

МЖК-2

Алексей Колышевский

РОМАН-ЖИЗНЬ
О ЧИНОВНИЧЬЕМ
БЕСПРЕДЕЛЕ

ОСНОВАН
НА РЕАЛЬНЫХ
СОБЫТИЯХ

ДОЛБАНАЯ
БРАТВА
В ПОГОНАХ...
НА НИХ
КРОВЬ И ПОТ
НАШЕГО
НАРОДА

МЕСЯЦ

Алексей Колышевский

**МЖ-2. Роман о
чиновничьем беспределе**

«ЭКСМО»

2010

Колышевский А. Ю.

МЖ-2. Роман о чиновничьем беспределе / А. Ю. Колышевский —
«Эксмо», 2010

Роман Алексея Колышевского посвящен чиновничьему беспределу, разгулу коррупции в миграционных государственных службах. В качестве сюжетной основы взят подлинный инцидент, произошедший в Москве, когда узбекскими гастарбайтерами были зверски замучены и убиты члены одной семьи, в том числе трехлетний ребенок. Автор поднимает злободневную тему повсеместного засилья представляющих общественную угрозу приезжих людей, чье полулегальное, а зачастую и вовсе нелегальное пребывание в России фактически «крышуют» власти.

© Колышевский А. Ю., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Пролог	5
1	5
2	6
Люди и звери	9
1	9
2	12
3	15
4	17
5	23
6	25
7	27
Предложение генерала Пети	29
1	29
2	32
3	34
4	38
5	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Алексей Юрьевич Колышевский

МЖ-2. Роман о чиновничьем беспределе

Пролог

Москва, Кремль, август 2006 г

1

Мир изменился... Так обычно начинаются все фэнтези-романы, от «Властелина Колец» включительно, а так как жанр этот премного специфичен, то всерьез сию пафосную заглавную фразу никто не воспринимает. В фантазийной прозе она нужна лишь для красивого вступления, для красного словца, для сладкого говнеца. Но мир действительно изменился. Это не моя фантазия, не наваждение лично мое, как отдельно взятого сумасшедшего горлопана, так как я совершенно нормален, как только может быть нормален человек, всю свою жизнь проживший в Москве.

Наверное, я мог бы написать «в Питере», «в Буэнос-Айресе», «в Нью-Йорке», но я там подолгу не жил и жизнь там, а вернее, те несколько дней, пусть недель, что довелось провести в этих чужих городах, не тронула меня, не царапнула по сердцу цепким кошачьим коготком, после которого вроде и не больно, но понимаешь, что кровь все-таки выступила. Вот так и с Москвой. Этот город настолько исцарапал меня, что не замечать его ко мне отношения я уже не в силах. Москва, словно кошка из кошмарного сна, приходит ко мне во всякую ночь и царапает, царапает... Она хочет прогнать меня, я больше ей не нужен. Или, может быть, она злится на меня за что-то и просто мстит так же, как миллионам своих жителей, как старых, так и новых, мстит одним посредством других. Старые страдают от нашествия новых, новые недовольны реакцией старых на свое появление. Иногда из всего этого получаются забавные короткие зарисовки в карандаше (так это, кажется, называется у художников). А иногда... Иногда масштабные картины ужасов, от просмотра которых сжимается сердце и кулаки.

Да, этот мир изменился, и в худшую сторону. Вы заметили, что в лучшую сторону ни черта не меняется? Наоборот: погода портится, грипп мутирует, все дорожает, люди все более раздражены, и когда утром едешь в электричке из пригорода, то кажется, достаточно одной спички, чтобы та великая взаимная ненависть, напряжение которой так сильно ощутимо между хомосапиенсами, вспыхнула, словно сероводород, со звуком выстрела вылетающий из задницы...

Я улетаю из Москвы, я устал бороться с облезлой кошкой, приходящей каждую ночь. Москва превратилась в мой кошмар наяву, я перестал узнавать свой, прежде родной мне город, перестал ощущать себя его частью, нужной ему клеткой. Москва стала для меня черно-белым миром, где черный цвет (если учесть и все его оттенки от серого до свинцового) преобладает. «Поэтому, – думал я, проверяя в последний раз содержимое дорожной сумки, – самое время переместиться в какой-нибудь другой мир, в другой город хотя бы для того, чтобы понять, что и там все обстоит примерно так же, как здесь, но понять это не сразу». Так думал я, а внизу ждал меня таксомотор, и мыслями я был уже очень далеко от Москвы, но... Всегда есть что-то или кто-то, и он имеет на твой счет свои планы. Худо, что ты об этих планах никак не можешь знать, и лишь порой внезапно начинающее гореть лицо сообщает тебе, что кто-то вспомнил о тебе не вполне с добрыми намерениями. Гадать, кто это, – бесполезно. Все равно никогда не догадаешься...

2

На аппарате правительственной связи внезапно замигала красная лампочка. От неожиданности Гера чертыхнулся, свернул сайт закрытого интернет-сообщества, где вывешивались задания для кремлевских сетевых агентов – блоггеров, и снял трубку. На дворе давно эпоха высоких технологий, а эти аппараты все те же, что были полвека назад: пластмасса цвета слоновой кости, тянется к трубке витиеватый шнур, на аппарате вместо диска государственный герб, а все вместе – надежно защищенный от прослушивания анахронизм.

– Слушаю, – лениво ответил Гера, разморенный мыслями о предстоящем отпуске.

– Конечно, слушаешь. Не ссышь же ты, в самом деле, в трубку. Что еще можно с ней делать, как не слушать? – Генерал Петя был в своем репертуаре. Кленовский, давно привыкший к плоским шуткам генерала, страдальчески поморщился:

– А, это ты, Петр? Здорово.

– Чаю, здоровей видали, – парировал Сеченов, – ты блоггерам насчет хохлов задачу поставил?

– Да поставил. Куда ж они денутся?

– Вот и молодец. Да пусть они покрепче их там пропердолят, мол, «салоеды изнасиловали Тимошенку. Пострадавшая обратилась в Страсбургский суд. Дело находится на рассмотрении у лесбиянки Карлы дель Понте». И вот что, ты мне нужен. Зайди-ка ко мне, поболтать надо.

– Ладно, сейчас буду, – хмуро буркнул в трубку Герман и не спеша направился в кабинет генерала Пети.

Он застал его в отменно расхлябанном виде: генерал релаксировал, закинув на стол ноги в надраенных до зеркального блеска ботинках, и курил огромную сигару «Cohiba». Был он небрит, глаза воспалены бессонницей, галстучная петля распушена дальше некуда, ворот рубахи расстегнут пуговицы на три. На письменном столе генерала были горой навалены какие-то папки с надписью «Дело», а содержимое одной из них Сеченов изучал, просматривая материалы и фотографии через узкие, держащиеся на кончике носа очки для чтения в платиновой оправе.

Гера поздоровался, но ответа не получил. Вместо приветствия генерал молча указал ему на кресло и некоторое время продолжал изучать справку, составленную, судя по верхнему грифу документа, в ведомстве, профиль деятельности которого носил деликатный характер и касался внешних интересов государства. Наконец он закончил читать, закряхтев, поменял позу и протянул Кленовскому фотографию:

– Скажи мне, вьюнош, тебе вот этот субъект знаком?

Гера мельком взглянул на фото, затем всмотрелся пристальней и закашлялся.

– Что? Воробей залетел? Али вафля семикрылая? – участливо и непристойно осведомился генерал Петя, – водички вон испей.

– Спасибо. – Кленовский смахнул выступившую от кашля слезу. – Конечно, я его знаю. Этот субъект не кто иной, как Марк Вербицкий. Мы с ним в свое время даже дружили. Он тоже работал в торговых сетях, был закупщиком по алкоголю, потом его, кажется, подстрелили какие-то суки залетные, но он выжил. Темная, одним словом, история. Я его давно не видел, года три-четыре.

– Что про него можешь сказать?

Кленовский пожал плечами:

– Да ничего особенного. Так... Обыкновенный жулик, откатчик. В свое время бухал потяжелому, потом вроде завязал. Умен, спортивен. Что еще?.. Язык у него подвешен будь здоров, ну это как у всех коммерсантов и мошенников. Помню, все жаловался мне на свою непростую личную жизнь. Мы с ним вместе в несколько стран летали на выездные семинары, которые

организовывали алкогольные фирмы-поставщики. В целом нормальный такой парень, только иногда, по-моему, чересчур в себя уходит. Склонен к самоанализу, так сказать. А к тебе-то он как попал?

– Попал как? – Генерал Петя посмотрел на Геру поверх очков. – Да попал-то он, как оса в варенье, то есть основательно. Я всю ночь его дело изучал. Твой друг серьезный крендель. Таких дел наворотил, что даже тебе не снилось. Убивец он. Серьезный убивец международного масштаба. Ас! И ведь нигде не учился, не готовился, а поди ж ты... Вот послушай, – и генерал принялся читать прямо из «Дела»: – «Находясь в Аргентине, завладел огнестрельным оружием и уничтожил финансового директора организации Der Spinne Струкова, а также его телохранителя...», а вот еще: «...ранее, по непроверенным данным, был причастен к взрыву дома известного криминального авторитета Вертько, во время которого погиб как сам Вертько, так и находившиеся в доме в момент взрыва две женщины, личности которых установить не удалось... Анализ остатков взрывной смеси, найденной на месте преступления, позволяет сделать вывод, что взрывное устройство принадлежало к разновидности так называемого «техасского фейерверка». Этот рецепт неоднократно использовался в Соединенных Штатах Америки в период гангстерских войн двадцатых годов прошлого века...» А ты говоришь, нормальный парень.

– Ни фиги себе, – вырвалось у Геры, – вот это да! Кто бы мог подумать?! А с виду вполне интеллигентный человек.

– Ты вон тоже с виду мальчонка из Гарвард бизнес-скул, а на самом деле мошенник, что пробу поставить негде, – язвительно заметил генерал Петя. Герман вежливо промолчал.

Сеченов тем временем встал, подошел к стенному шкафу и достал оттуда бутылку минеральной воды. Сделал несколько жадных глотков.

– Занялся он нам, этот твой Вербицкий. Таки мы в нем имеем шкурный интерес, – отдышавшись, произнес генерал, – такое добро на дороге не валяется. Нужно его привлечь по этнической линии в качестве заплечных дел специалиста. Пусть поработает, раз он такой изысканный отморозок. Ты случайно не в курсе его взглядов на проблему нелегальной миграции?

– Нет, я понятия не имею, – честно признался Герман, – мы с ним этого никогда не обсуждали. Но я могу предположить, что коли он москвич и цвет кожи у него белый, то гостям с Кавказа, и не только, он не больно-то и рад. В конце концов, подстрелили-то его на улице именно гастролеры.

– Это не факт, что не рад, – парировал Сеченов, – тут проверка нужна, прежде чем ему что-то такое поручать. И проверка серьезная. Ты сегодняшнюю криминальную сводку по Москве читал?

– Да ну ее, – поморщился Гера, – у меня нервы не выдерживают читать все это. Убийства, грабежи, угоны. Живешь себе спокойно, так вроде и нет всего этого, а прочитаешь, и на душе становится тяжело.

– Значит, не читал, – словно не слушая Герины стенания, проговорил генерал, – на-ка вот, прочти. Убита этой ночью целая семья. Отец, мать и маленький ребенок. Убийцы, предположительно, гастарбайтеры, делавшие ремонт в соседней квартире.

Гера взял у Сеченова лист, принялся читать и, дойдя до фамилии потерпевшего, весьма сильно изменился в лице.

– Не может быть, – хрипло проговорил он, – я отлично эту семью знаю. Это же мои друзья! Я их ребенка крестил! – Герман сорвался на крик: – Да что ж такое происходит-то?!

Генерал молча написал что-то на маленьком листке с липкой полоской, согнул его пополам и отдал Герману. Тот был близок к истерике, поэтому сначала, глядя в листок, ничего не понял:

– Что это? Адрес какой-то...

– Это Вербицкого адрес, – пояснил генерал Петя, – поезжай сейчас к нему, представься, кто ты и откуда, отвези его на место преступления, чтобы его проняло как следует. После этого мне позвонишь и расскажешь о его реакции. Идет?

– Идет, – Гера вдруг понял, что отпуск его накрывается, – а если он заартачится или какой-то форсмажор произойдет?

– На случай форс-мажора у тебя всегда есть звонок другу, – ткнул себя пальцем в грудь, усыпанную сигарным пеплом, генерал Петя. – Поезжай быстрее, а то он собрался из страны улететь, будет лучше, если ты его до отъезда из дома перехватишь.

...Спустя полчаса Гера позвонил и доложил, что он разминулся с Вербицким буквально на секунды. Генерал Петя, наставив своего парламентаря на путь истинный и дав ему все необходимые указания, возбужденно потер руки. Начиналась его игра, он находился в своей родной стихии. Прошло несколько минут, и на Третьем транспортном кольце, при въезде на Савеловскую эстакаду, внезапно загорелся небольшой автобус. Мгновенно образовалась пробка, которая за короткое время растянулась на несколько километров. План генерала Пети работал, как швейцарский часовой механизм. Без сбоев...

Люди и звери

Москва, сентябрь 2006 г

1

По колеровке, врачей путевке
Я покидаю лагеря – а-а-а-а... —

надрывался хриплый голос в радиоприемнике. Этот голос и песня эта, гадостная, липкая, воняющая суточным окурком, наполненная каким-то невероятно мерзким, тупым, животным упоением исполнителя, стала для меня тем рубиконом, перейдя который обратной дороги уже не сыскать.

– Слышь? Как тебя?

– Чего? – недружелюбно откликнулся таксист и на всякий случай поправил что-то в кармане своего потертого кожаного пиджака. О таких пиджаках говорят: «милая винтажная вещица», хотя я на три тысячи процентов уверен в том, что таксист в таких изысках гламурного сленга не осведомлен. Что там у него в кармане? Мне представилась маленькая гирилка для весов, привязанная на тонком ремешке: кистень. Хлоп! – по башке, и клиента можно выгружать. А может, у него там нож? Или популярный нынче травматический пистолет «Оса», из которого запросто можно вышибить мозги, если выстрелить с близкого расстояния. Ведь продают же эту ерунду, и притом вполне законно! Хотя нет, и не ерунду уже. Какая же это ерунда, когда из нее можно убить человека?

Убить человека... Убить целый мир. Раввин Берл-Лазар выступал по ящику и сказал, что человек – это целый мир. Значит, и я – мир, и таксист этот – мир, и тот, кто горлопанит на волне «Шансона» про лагеря, – он что, тоже «мир»? Тяжело с этим мириться (тут надо бы поставить смайлик, но, типа, если подумать, то ну его на хрен, смайлик этот).

– Выключи! Замучил шансон твой. Найди чего-нибудь другое.

Таксист хлопнул своей лапой по кнопке магнитолы, и сиплый голос (oh, Jesus!) умолк.

– Интеллигент, что ли? – Он закурил и, прищурившись от дыма, поглядел на меня. Мы стояли в пробке возле Рижского вокзала уже двадцать минут, и я давно изучил все, что окружало меня в прокуренном салоне машины и снаружи, где напирали со всех сторон нервные автолюбители, а по тротуару сновали прохожие, велосипедисты и счастливые обладатели мототехники. По всей видимости, ему тоже наскучило разглядывать прохожих и он решил переключиться на самую лакомую в таких случаях добычу, то есть на пассажира. По глазам таксиста я понял, что тот рад завязавшейся беседе и ему наплевать, что началась она столь недружелюбно. Главное для него – сам процесс разговора. Он – хомяк со стажем. Хомяками я называю племя таксистов. Почему? Да потому, что норовят побольше схомячить с пассажира, урвать, стибрить все, что плохо лежит. Потому, что знают все значные места и частенько занимаются сводничеством, имея процент с приезжих уличных шлюх, которые зачастую возвращают его натурой. Таксисты не брезгливы и всеядны, им лишь бы что-нибудь поиметь. А вообще-то мой опыт общения с таксистами – это отдельная история, о которой я, быть может, позже расскажу.

– Интеллигент или нет – это неважно. Просто я блатняк не выношу. Ты с какой стати его слушаешь? Зону топтал, что ли? Владимирский централ, ветер северный?

– Да нет, слава богу. – Таксист быстро-быстро перекрестился несколько раз и, поплевав через левое плечо, постучал костяшками пальцев по рулю. – Было там по малолетке, но сошло, на учет только поставили в детской комнате милиции. Делов-то на муравьиный чих.

– Ну так тем более! Вот ты слушаешь эту хрень и притягиваешь зону к себе. Понятно?! В музыке, в стихах, везде энергия. Что слушаешь, тем и пропитываешься. Вот наберешься этой гребаной романтики, и сам не заметишь, как угодишь за решетку. Я тебе серьезно говорю!

– Ты как этот... Как Малахов, который по утрам бабкам в уши фуффло заряжает, – осклабился таксист, – или этот мудак бородатый, который все про гороскопы нудит. Как его? Забыл я...

Малахов... Лысый проповедник самолечения и шарлатан. Сколько несчастных, уверовавших по русскому обычаю в телевизионное слово, доверились малаховскому «учению». Скольких из них уже не вернуть... Вместо того чтобы пойти к врачу, читают его книжки, наполненные бредом и манией величия этого гуру с внешностью комбайнера. Читают и гробят себя, лечась мочой и керосином, высчитывая лунные сутки, в которые полезно заниматься тем-то, а тем-то – нельзя. Аудитория его утреннего шоу на первом канале – это армия зомби. Они порвут за своего «учителя», а он вместо того, чтобы пить мочу и прикладывать к пяткам глину, вместо того, чтобы взять, да согласно своему же учению и поголодать, откушивает в самых дорогих ресторанах и рассекает на «Лексусе». Знакомые мне врачи, настоящие, серьезные врачи, которые спасают жизни, все в один голос говорят, что Малахова необходимо запретить, так много им приходится потом излечивать запущенных малаховских последователей, а некоторым помочь уже нельзя...

...Впереди нас стало чуть посвободнее, и он включил передачу, отвлекся. Морда небритая, кадык ходит вверх-вниз словно шип – сейчас пробьет кожу и окажется, что внутри таксиста инопланетяне отложили яйцо с паразитом. Лучше так, чем как есть на самом деле. У таксиста увеличена щитовидная железа, и он сдохнет от рака спустя три года. Я это ясно вижу. Опухоль прорастет ему в легкие, и тогда конец. Нет, он не смотрит программу «Малахов плюс», просто ему лень раз в год пройти диспансеризацию, лучше водочки с корешами дернуть. Поэтому и мрут у нас мужики в 60 лет, мрут из-за собственной лени.

Ну почему! Почему вокруг ничего интересного! Этот говенный мир давно созрел для глобальной катастрофы. Люди без войны, без эпидемий зажрались и превратились в снобов, особенно в Москве. Мне сложно судить, как там обстоит дело еще где-то в стране. Я знаю, что жить можно только здесь, потому что тут можно сделать деньги. Все остальное – это захолустье, в котором не хрена делать. Иначе зачем, спрашивается, в Москву едет такое количество всякого народа, превращая ее в пиццу? Город-пицца с ингредиентами, от которых может сильно поплохеть, может сделаться заворот кишок и непроходимость толстой кишки. В каждом есть дерьмо, и дерьмом этим каждый стремится поделиться с ближним. И его не волнует, что у того, ближнего, своего дерьма хватает. Поэтому растет и ширится в моем городе ненависть. Чем больше людей тебя окружает, тем больше от них дерьма, а это никому не нравится. Мы все подобны туче одинаково заряженных частиц. Никак не можем притянуться друг к другу, налетаем и отталкиваемся, бах-бабах!

Таксист вновь рискнул включить музыку. На сей раз это был Олег Митяев. Я взмолился:

– Слушай, у меня нет запоя, я не импотент, выключи ты своего Митяева! Давай лучше анекдоты рассказывать, – предложил я, – все лучше, чем твоя музыка. (Он кивнул. Понравилась идея. Сейчас я тебя!) Только, чур, я первый. Идет?

– Ага.

– Короче, так, дочь основателя теории психоанализа Зигмунда Фрейда Анна Фрейд как-то однажды утром постучалась в спальню отца. Тот спросил, что ее привело к нему в столь ранний час. «Папа, мне приснился странный сон, – ответила Анна, – и я хочу, чтобы ты мне его растолковал». Зигмунд Фрейд, само собой, важно потряс кисточкой ночного колпака и приго-

товился слушать. «Снится мне, что я лежу в кровати в своей спальне и вдруг дверь открывается и заходит Юнг. (Это такой известный психолог, – пояснил я для таксиста.) И протягивает мне банан. Но он вовсе не спелый, а какой-то гниловатый. В общем, не взяла я у него банан, и он ушел. Потом вошел Адлер, и вновь с бананом. Но и его банан мне не понравился. Слишком он у него мелкий оказался. А потом, папа, заходишь ты, протягиваешь мне превосходный, спелый, душистый банан, и я его с радостью беру и начинаю есть. Как ты можешь это объяснить с точки зрения психоанализа?» Зигмунд Фрейд поперхнулся и говорит: «Знаешь что, дочь моя Анна? Иногда банан – это, знаешь ли, просто банан».

В салоне повисло молчание. Таксист выглядел так, словно я только что сказал ему, что не верну взятых в долг денег. Ни тени улыбки на лице его не было. Он был серьезен, хмур и агрессивен.

– А дальше-то чего? – вдруг совершенно неожиданно спросил он.

– Ничего. Я весь анекдот рассказал. До конца.

– А чего же тут смешного? – с раздраженным непониманием спросил он. – Над чем, блядь, смеяться-то?

– Понимаешь, Зигмунд Фрейд – это такой чувак, который придумал психоанализ, я же сказал...

– Какой на хер анализ?

– Психолог он, я говорю, – все более забавляясь происходящим, принялся объяснять я, – он утверждал, что самое сильное желание человека – трахаться, и во имя этого своего желания он только и живет. Фрейд везде и во всем видел фаллические символы...

– Чего? Какие символы? – Таксист был раздражен так, как обычно бывают раздражены люди, вдруг осознавшие всю бездну собственной тупости.

– Да хуй ему везде мерещились, – не стерпел я, – хуй, понимаешь? Сигару он курил, к примеру. Ну, и утверждал, что он не просто так любит ее курить, а это вроде как хуй, который он подсознательно не прочь бы пососать. Но не потому, что он там гамадрил какой, а потому, что у его матери было мало молока и он попросту недоел в младенчестве. Ну, и банан – это, по Фрейду, тоже хуй. Получается, что его дочь пришла и рассказала, что ей приснилось, как она трахается с собственным папашей, который ей все мозги засрал насчет своего хуино-психоанализа. Теперь-то хоть въехал, чудак-человек?

– Ы-гы-гы-гы-гы-гы-гы-гы! – довольно заржал (именно заржал, словно мерин) таксист. – Теперь понятно. А-га-га-га-га-га!

– Молодец, – я перевел дух, – вот видишь, насколько все просто оказывается. Главное – это иметь подход к людям из различных слоев населения, говорить с ними на привычном для них языке. Тогда и люди к тебе потянутся. Чего мы стоим-то? Рассосалось вроде? Давай быстрее, если не забыл: я в аэропорт опаздываю!

2

Спустя час после окончания последней воскресной мессы преподобный отец Бернар вылез из исповедальни и, полагая, что его никто не видит, от всей души хлопнул резной дверцей и выругался, употребив излюбленное ругательное словечко всех французов «merde». Сегодня ему пришлось выслушать особенно много историй от прихожан, которые, как выяснил отец Бернар, здесь, в Москве, прожигали жизнь так, что только треск стоял. Этот маленький католический приход Св. Людовика, расположенный в Малом Милютинском переулке, окормлял множество иностранцев, которых судьба занесла в русскую столицу. Мессы здесь читались по-литовски, по-польски, по-английски и даже по-вьетнамски. Отец Бернар читал по-французски и изредка по-русски, только тогда, когда его просили о подмене другие священники. Французская община в Москве была многочисленна и требовала наличия духовного отца, органиста, неукоснительного соблюдения всех нюансов службы, к которым осевшие в России потомки Бонапарта привыкли у себя на родине. Если бы не тайна исповеди, если бы преподобный был романистом, то он бы тогда... Работники посольства, повара ресторанов, метрдотели, топ-менеджеры, бизнесмены, гувернеры в семьях богатых аборигенов – таков был далеко не полный список прихожан – соотечественников отца Бернара, и каждый в этом списке имел свою историю, раз от раза дополняя ее все новыми и новыми грехами, совершенными здесь, в большом русском городе, по слабости человеческой. Ежедневно все благочинные с виду прихожане приходят на исповедь, чтобы сбросить на его голову накопившийся груз проступков и небогоугодных дел, а после отпущения с легким сердцем выходят за церковную ограду и возвращаются обратно в Москву – этот город грехов, переполненный соблазнами, обуреваемый страстями, пропахший наличными, продажной вагиной и бессовестно разбавленным кокаином. Французы любят кокаин. Их большие носы вдыхают его так много за раз, что французов можно смело назвать чемпионами по размеру единовременной дозы.

Преподобный, даром что священник, некоторые исповеди тайком записывал. Была у него особая, в коричневом коленкоре тетрадь, которую он хранил подальше от чужого глаза. Он не указывал имен своих прихожан, которых давно узнавал по голосу за непроницаемой ширмой исповедальни. Свои записи он просто называл по порядку: «история первая», «история тридцать вторая» и так далее. Эта страсть к протоколированию чужих исповедей была величайшим грехом самого отца Бернара, и он был не в силах преодолеть эту страсть. Словно начинающий алкоголик, мучимый утренним похмельем, в сотый раз дает себе слово «завязать», преподобный всякий раз после окончания записи в тайной тетради клялся, что он сожжет ее, но всякий раз его страсть одерживала верх. Порой он вновь и вновь перечитывал наивно доверенные ему чужие грязные откровения и, бывало, приходил в ярость, осуждая «всех этих клятвоступников», от исповеди к исповеди не перестающих грешить (о, мон Дьё!). Поэтому сегодня после нескольких часов, проведенных в тесной исповедальне, у священника было особенно мрачное настроение. Того, что он нынче услышал, хватит не на одну «историю», а на добрых две дюжины. Голос справа приказывал ему оставить это недостойное пастыря занятие, но голос слева нашептывал в ухо соблазнительные обороты, изящные предложения, точные формулировки сюжетных линий. Дело в том, что отец Бернар не просто записывал чужие исповеди слово в слово. Каждую «историю» он превращал в рассказ, в повесть, в роман! И был о своем творчестве очень и очень высокого мнения. Втайне он считал себя новым Мопассаном, перед слегка придушенной с точки зрения современных нравов прозой которого он преклонялся и ранее. Еще в далеком детстве, когда двенадцатилетним недорослем он тайком от всех изучал «Милого друга», то неоднократно онанировал, переживая постельные подвиги авантюриста Дюруа.

– Дерьмо! – довольно громко произнес отец Бернар, выражая свое замешательство перед советами беса слева и ангела справа, и вдруг спиной ощутил чье-то присутствие. Он резко обернулся и увидел, что в дальнем углу костела, в полумраке неосвященного правого нефа, на скамейке сидит некто и с интересом разглядывает сквернословящего священника.

– Гм... – только и смог вымолвить отец Бернар. – Неопознанная фигура поднялась со своего места и двинулась в сторону преподобного. Выйдя на свет, некто оказался отлично знакомым отцу Бернару прихожанином – французом по имени Жан-Жак Брасье.

– О, это вы! – с некоторым облегчением произнес преподобный. – Почему вы остались, мсье? У вас ко мне какое-нибудь дело?

Жан-Жак послушно кивнул:

– Я хотел поговорить с вами, святой отец.

– Разве вы не были на исповеди? – слукавил преподобный, которому голос Брасье был хорошо знаком. Нет, этот не был на исповеди, не то священник бы его запомнил.

– О нет. Я не решился. Вы знаете, я всегда неохотно исповедуюсь здесь, особенно когда на мессе полно народу. Мне кажется, что кто-нибудь может подслушать и тайна исповеди будет нарушена (Бернар едва заметно поежился). У меня, наверное, идея фикс, – виновато развел руками Брасье.

– Так что же вы хотите, мсье Брасье? – с легким нетерпением задал свой вопрос преподобный.

– Я хотел бы исповедаться вам теперь же. Здесь. Пока никого нет рядом.

– Ну что ж... Вы пришли к священнику с тяжелой душой, и я не вправе вам отказать, – отец Бернар внезапно почувствовал прилив странного чувства пустоты, будто на мгновение нечем стало дышать. Так всегда бывало с ним, когда он видел покойника, поэтому отпевание для отца Бернара было самым трудным обрядом, и он соглашался на него всегда с большой неохотой. В этот раз ощущение было таким сильным, что преподобный почувствовал головокружение и опустился на скамью. Брасье воспринял это как знак готовности священника выслушать его и с почтением опустился рядом. – Во имя Отца, и Сына, и Святого духа... – начал отец Бернар и осенил прихожанина крестным знамением.

– Аминь, – откликнулся тот и начал торопливо говорить, – я грешен, святой отец, ибо горячо желал смерти одного человека. А быть может, и не одного, – он запнулся, – если быть точным, то двух человек – Словно испугавшись собственного признания, Брасье осекся и замолчал.

– Ну же, смелей! – подбодрил его отец Бернар, – кто эти люди и чем они вызвали ваш гнев, столь сильный, что вы дерзнули задуматься о таком?

– Я женат на русской девушке, – голос Жан-Жака заметно потеплел, – у нас растет дочь, ей три года. Она дивный ангел! Я давно живу в этой стране и успел к ней привязаться. Здесь я имею гораздо больше того, что имел во Франции. Я продаю вино, моя жена занимается тем же, – Брасье говорил короткими предложениями, четко их разделяя. Так учат говорить торговых агентов на многочисленных тренингах по улучшению мастерства продаж.

– Мы неплохо зарабатываем, – продолжал Брасье, – и в наше непростое время смогли накопить на вполне приличную квартиру в центре Москвы. Сделали прекрасный и весьма дорогой ремонт. Приобрели всю обстановку. Получилось милое, уютное гнездышко. Но над нами живут соседи, которые также делают ремонт. Разумеется, с помощью рабочих. Я не знаю, кто эти люди по национальности, но моя жена говорит, что они из какой-то бывшей республики Советского Союза. Такие смуглые, похожи на наших марокканцев. Эти рабочие уже два раза забывали перекрыть воду и заливали нас! Ремонт теперь придется делать заново, а это такие расходы! Я вне себя от ярости! После первого раза я ходил к ним ругаться, но они, я готов поклясться, что нарочно, вновь устроили потоп! Это ужасно, ужасно! Такие неприятные лица! Они издеваются надо мной, смеются. О! Это невыносимо! Я поймал себя на мысли, что

готов их убить! Я ревностный католик, святой отец, понимаю, что сама мысль об убийстве есть тяжкий грех, поэтому прошу вашего пасторского слова, вашего наставления и прощения у Господа нашего.

– Сын мой. – Отец Бернар почувствовал себя столпом веры и преисполнился желанием наставить этого заблудшего на путь истинный. – Чему нас учит вера? Вера учит нас умению быть терпимыми и прощать. Все люди друг другу братья и сестры, все вышли из колена и ребра Адамова, всех призовут на Страшный суд. Чему учит нас Церковь? Смирению и милосердию к ближнему. Прощению ближнего своего. Вам, сын мой, выпала честь явить этим заблудшим образец христианского поведения. Поговорите с ними, пустите в сердце свое, наставьте кротким словом, и воздастся вам! Воздастся... – повторил преподобный в легком замешательстве, вновь застигнутый ощущением пустоты, еще более сильным, чем прежде.

– Да, но... – Брасье, смущенный оттого, что перебил священника, словно извиняясь, молитвенно соединил ладони, – простите, святой отец, но мне кажется, что такие люди, как эти, не в силах оценить Христовы заповеди. Они для них непостижимы! Вспомните Париж, мятежи в Сен-Дени, когда они громили все вокруг, когда убивали и жгли автомобили! Да будь там сам Спаситель, кажется, и он не смог бы усмирить их с помощью одного лишь слова. Они воспринимают нашу кротость, наше смирение как слабость. И в этой стране все то же самое. Никаких отличий. Быть может, нужно бороться с ними?

– Вы должны стоять выше дикарей, сын мой. Нести им свет веры. Уверяю вас, что миссия католика всегда и везде состоит только в этом. Дикарь отступит перед христианским словом, и вы увидите, как на ваших глазах он из дикаря превратится в доброго мирянина. Наставьте этих простых и невежественных рабочих на путь истинный. Пообещайте, что последуете моему совету.

– Хорошо, святой отец, – смиренно согласился Брасье и послушно опустил голову. Священник машинально отметил про себя наметившуюся тонзурную плешивость Жан-Жака и его большие, словно лопухи, уши.

– Все мы равны перед Господом нашим, – возвел очи к потолку преподобный, – сокрушайтесь о грехах. – С этими словами отец Бернар быстро прочел положенную в таком случае молитву, отпустил Жан-Жаку Брасье грехи и проводил его взглядом до дверей костела. Торопливо засобиравшись домой.

Эта «история» не заинтересовала преподобного. На ходу смакуя подробности услышанного сегодня в исповедальне от иных прихожан, отец Бернар поспешил домой, где предался литературным трудам, до глубокой ночи делая записи в тайной тетради. О том, что рассказал ему Брасье, он быстро позабыл и чрезвычайно удивился бы, если кто-то вдруг сказал бы ему, что повод вспомнить об этом рассказе появится у него уже очень скоро.

3

Жан-Жак, его супруга Таня и дочь Мария готовились ко сну после семейного ужина. После исповеди Брасье совершенно успокоился и, будучи человеком очень набожным, решил исполнить все так, как наказал ему священник. Поэтому перед возвращением в свою квартиру он поднялся выше этажом, позвонил в дверь и несколько минут рассыпался в извинениях перед двумя перепачканными краской гастарбайтерами. В конце своей речи Брасье еще раз попросил у них прощения за те резкие слова, что он сказал прежде, и предложил пойти на мировую. Разговор шел по-русски, и стороннему наблюдателю, случись он неподалеку, было бы забавно наблюдать за мимикой и акцентом всех троих: Брасье отчаянно грассировал, рабочие забавно коверкали слова. В результате все закончилось перемирием, пожатием рук и заверениями в искренней дружбе. Брасье с легким сердцем спустился к себе и весь остаток вечера провел в атмосфере семейной идиллии, которую не смог нарушить даже вид огромного пятна на потолке в гостиной – результата тех двух «проливов». «Пустяки, – храбрился Брасье, – вот приедут хозяева квартиры, и я получу с них за это пятно. И зачем это я так нервничал? Как хорошо, что теперь нет никакого напряжения, а эти рабочие вполне приятные ребята». С Таней, которая лишь недавно перестала истерить по-поводу «козлов вонючих, которым надо яйца пооткручивать», он решил свой поступок доброго христианина не обсуждать.

Ужин прошел замечательно, Жан-Жак выпил пару стаканчиков вина и пришел в благостное расположение духа. С Таней они обсудили планы на следующую неделю, и женщина, уложив маленькую Марию в кровать и включив ей ночник, без которого девчушка отказывалась оставаться одна в своей спальне, пошла в ванную комнату, разделась и встала под душ. Жан-Жак включил телевизор и рассеянно, одним глазом наблюдал за происходящим, одновременно пытаясь постичь смысл статьи в каком-то журнале. Внезапно раздался звонок в дверь, и Брасье встрепенулся:

– Я открою! – крикнул он жене, но та не услышала его из-за шума воды. Маленькая Мария спала крепким сном невинного ребенка и не услышала ни звонка, ни отцовского голоса. Ей снилось, что ее большой плюшевый медведь вдруг заговорил человеческим голосом, и они вместе стали играть в догонялки и прыгать с дивана в гостиную. И было все это так чудесно, так волшебным, что Мария улыбалась во сне.

Брасье покрепче затянул пояс халата, сунул ноги в уютные домашние туфли и вышел в коридор. Подошел к входной двери, посмотрел через глазок и увидел, что на лестничной площадке переминается с ноги на ногу один из рабочих.

– Что случилось, друг? – не открывая двери, спросил Жан-Жак. Рабочий принялся что-то бормотать, выразительно жестикулируя, но разобрать ничего было невозможно. Брасье досадливо поморщился и, помедлив мгновение (о, как стоит ценить всякое мгновение, ведь зачастую от него так много зависит), распахнул входную дверь.

– Насяльника, – извинительно пробормотал поздний визитер, – у нас свет кончился, совсем свет нет у нас. Может, у тебя посмотрим, чего как проводка туда-сюда. Может, проводка перебило от тебя к нам, насяльника. Разреши, посмотрим? Пускай, пожалуйста.

Брасье мало что понял, но вежливо посторонился, пропуская рабочего в свой дом. Тот закрыл за собой дверь и попросил «табуретка» или «стрэмянка». Брасье подал ему стул, и рабочий принялся копать в электрощитке.

– Джумшут надо позвать. Он электрика лучше знает, – пробормотал рабочий, – или, может, у тебя гости, насяльника, я в другой раз приду? Завтра?

– Нет, – Брасье, которому эта возня уже порядком надоела, отмахнулся. – Какие там гости в это время? Смотрите сейчас.

– Сесяс, – осклабившись, закивал рабочий, – сесяс сматреть.

Он ловко прыгнул со стула и очутился прямо перед французом. Тот, словно что-то почувствовав, сделал шаг назад. Рабочий выхватил из кармана стамеску и с рычанием воткнул ее Жан-Жаку в живот. Тот охнул и упал. Рабочий несколько раз ударил его ногой в лицо, и Брасье потерял сознание. Дверь открылась, в квартиру вломилось второе «дитя божье» по имени Джумшут: коренастый узбек с золотым зубом, с приплюснутой головой дауна, формой своей напоминавшей кабачок. Вдвоем они схватили Брасье за ноги и потащили его в глубь квартиры, оставляя на светлом паркете кровавый след.

Волоча несчастного мимо ванной комнаты, один из негодяев внезапно остановился и приложил палец к губам. Установилась тишина, которую нарушал звук льющейся воды.

– Смотри в ванную, Ровшан. Кто там есть? – Джумшут придерживал хозяина дома за плечо и оттопыренным пальцем свободной руки тыкал по направлению двери в ванную комнату, где продолжала мыться ничего не подозревающая Таня.

Ровшан рывком распахнул дверь, пригляделся и хищно улыбнулся:

– Бросай здесь эту падаля. Там в ванной белый баба красивый. Пойдем-ка ей займемся.

Сказано – сделано. Истекающий кровью Брасье остался лежать в коридоре, жизнь медленно уходила из него, а из ванной некоторое время доносились сперва сдавленные вопли, затем они стали тише, еще тише и перешли в предсмертный хрип... Кто-то из мерзавцев перекрыл кран, и вновь сделалось тихо, как в раю, где живут маленькие ангелы: днем порхают словно бабочки, а ночью спят, во сне безмятежно разметавшись. Ни один маленький ангел не знает, как это больно, когда какой-то незнакомый, заросший черной щетиной дядя бьет стамеской без всякой жалости в крошечное детское тельце. Маленькая девочка, тебе так навсегда и осталось три года от роду...

А потом они ограбили квартиру, распили бутылку хозяйского коньяку на радостях, что нашли отложенные убитой ими семьей деньги. Тело хозяина они выволокли на середину гостиной и, завалив постельным бельем и газетами, подожгли. С первыми языками пламени оба зверя поспешили скрыться. Соседи вызвали пожарных лишь после того, как весь подъезд наполнился едким дымом. С пожаром удалось справиться довольно быстро. Сильнее всего пострадал труп Жан-Жака Брасье. Он обгорел почти до неузнаваемости. Тело Тани лежало в ванной.

Узнав о произошедшем, преподобный отец Бернар написал архиепископу прошение о переводе и вечером следующего дня навсегда покинул Россию. Тайную тетрадь он, после некоторых раздумий, прихватил с собой. Впоследствии он стал знаменитым на весь мир беллетристом и театральным драматургом и поселился в квартире с пятью спальнями на авеню Монтень в Париже. В литературе все решает фактура...

4

Пробка была безнадежной. Стоило понадеяться на ее окончание, как она тут же превратилась в безнадежное, стоячее болото, населенное нервными существами, запертыми внутри стальных коробок разных цветов, размеров и стоимости. Жеманный диджей оптимистично передал о «проблемах с движением на Сушевском валу», и нам с таксистом стало известно, что где-то там, впереди, горит автомобиль. Из-за него мы все тут и парились.

В воздухе пробок не бывает, самолеты вылетают точно в срок, минута в минуту, особенно если речь идет о регулярных рейсах. Мой самолет до Мадрида не будет ждать. Регистрация на рейс уже началась, и если я не сдвинусь с места прямо сейчас, то шанс на мой вылет не будет стоить и гроша. Интересно, кстати, а сам-то этот грош чего-нибудь стоит? Неужели есть в мире хоть что-то, что не стоит вообще ничего? Абсолютный ноль, который можно пощупать, на который можно поглазеть, мне что-то не представляется, хотя воображение у меня более чем хорошее. Все же я тепло, во мне живет неистребимая тяга к философствованию, ценимая лишь в узких кругах высоколобой интеллигенции, к которой я не принадлежу. Может, к счастью, может, и к сожалению. Кто я тогда? Выскочка из подлого сословия? Авантюрист, нагрешивший ближнего своего? Сейчас плохо и немодно быть философом. Можно заработать клеймо «унылое говно». Этим клеймом плебс вроде меня клеймит все, что ему непонятно, а значит, с точки зрения плебса, не имеет права на существование. Сейчас в культуре какие-то серьезные, значимые явления не востребованы. Трудно сейчас представить себе появление чего-то такого, что можно было бы назвать «эпохальным явлением». Сейчас все делится на «унылое говно» и то, что «прикольно». Прикольно месяц, в лучшем случае. Потом «прикольное» становится «унылым» и уходит в небытие. Весь этот процесс происходит крайне быстро и распространяется на все, начиная от той же культуры и заканчивая человеческими отношениями. Высказывание «подзаебало» отражает суть нынешнего общества. Его подзаебало все, потому что люди устали от бесконечного впаривания им прикольного и унылого говна. Человечество наконец-то оказалось в тупике. Самое время двинуться вспять, врубить заднюю и вернуться к прежним ценностям, на которых когда-то и был создан этот мир. Если не сделать этого, то наша эволюция остановится и все мы превратимся в коров, в тупое жвачное стадо.

Сейчас если прекратить впаривать друг другу все, что угодно, то жизнь, наверное, останется. Поэтому смысл жизни современного человека в том, чтобы впарить что-то ближнему своему. Всех это касается. Правительство впаривает населению новый транспортный налог. Творческая интеллигенция, все более деградируя под лозунгом «пипл хавает», впаривает населению свои поделки, разделенные на две основные категории, о которых говорилось выше. Новостные каналы лижут задницу кому надо и кого надо критикуют. А пипл уже не хавает, он пережевывает и выплевывает, чтобы получить новую порцию жвачки. Общество подобно большой корове, которая думает, что жрет, а сама только жует. Внутри ничего не попадает. Нечему попадать. Одна херня вокруг. Сегодня поговорили, завтра позабыли.

Однако вечер перестал быть томным. Я опаздывал и ничего не мог с этим поделать. Все вокруг было парализовано, и сверху кто-то решил полить все это для пущего эффекта. Небесная канцелярия впарила нам дождик. Он начался понемногу, но все больше расходился и, судя по обложному небу, зарядил надолго. Таксист включил дворники, а мое стекло покрывалось каплями, и от нечего делать я принялся их считать. Потом мне все это надоело, я открыл дверь, вышел из машины посмотреть, что там впереди, и вдруг услышал, как кто-то зовет меня:

– Марк! Ну правильно! Где же еще встречаются друзья в этом городе, как не в его пробках? Самое для этого подходящее место!

О! Этот голос мог принадлежать только одному человеку на свете. Его имя – Герман. Герман Кленовский. Старый друг, которого я не видел с тех самых пор, как ушел из гнилого

торгово-закупочного мирка. Мы с ним бывшие коллеги и познакомились во время одного алкогольно-познавательного тура во Францию, организованного компанией «Пьер Рикарди», в которой Гера тогда трудился. Я был закупщиком, он бренд-менеджером, мы славно провели время и сдружились. В коньячных диалогах, которые мы вели, прогуливаясь по засанным арабами площадям Бордо, выяснилось, что процент общего в нас превышает критическую массу. Мы похожи, как братья, наш внутренний мир – две половинки одного целого, наши убеждения совпадают так же, как и наши цели. Я тогда признался, что более всего на свете жажду абсолютной свободы и не желаю ишачить на дядю, Герман ответил примерно тем же, заявив, что его мечта – много денег и спокойная жизнь где-нибудь в Европе, там, где не так много арабов. Ишачить он если и намерен, то лишь за баснословную прибыль, про извлечение которой неведомо работодателю.

Моя мечта сбылась, волею случая я стал миллионером. Хотя какой там «случай»? Не бывает в нашей жизни случая. К каждому событию мы движемся неуклонно, не подозревая о том, как именно оно случится. Главное – все время плыть на огонь маяка, видеть цель даже сквозь самый густой туман, и тогда все обязательно получится. Пусть даже и таким образом, который раньше было невозможно себе и представить.

Да, я обрел свободу, которую дали мне деньги, а Герман, как мне стало известно, пошел по моему пути, триумфально кинув «Рикарди» на шестизначное число нероссийских денег и став сетевым закупщиком по алкоголю. Наши пути разошлись в тот момент, когда мне стало безразлично мое прежнее окружение, а с новым я знакомиться не торопился. Мы несколько раз созванивались на предмет где-нибудь посидеть, но все как-то не получалось, да к тому же и пить я бросил. Всегда бывает так, если решишь бросить что-то одно, то это не уходит из твоей жизни в гордом одиночестве, но обязательно норовит прихватить с собой пару-тройку нужных вещей. Бросив пить, я лишил себя компании. Хотя на кой она черт нужна, такая дружба, если ей вся цена-то – стакан водки?

– Герыч! Хау мэни йиарс?!

– Хау мэни винтерс?! – со смехом подхватил он. – Рад тебя видеть, Марик.

Я поморщился. «Марик» звучит слишком по-еврейски. Я давно привык, что данное мне родителями имя в глазах большинства соотечественников означает безусловную принадлежность к древнему народу, но на самом деле все обстоит иначе. Марк означает «молоток» – это латынь, мой папа был большим поклонником истории Древнего Рима и в детстве бредил походами Марка Аврелия. Оттуда это имя. В семье Вербицких плевать хотели на стереотипы, поэтому я зовусь именно так, а не иначе.

Марик так Марик. Я пожал руку, протянутую мне из тонированного в ночь «Ауди», и кивнул, указывая на машину:

– Не ссышь на такой на работу-то ездить? Нескромно. Схлопнут ведь!

Сперва он не понял и пару секунд недоуменно глазел на меня, разинув рот, но потом до него дошло, и Гера со смехом ответил, что никакого отношения к откатным делам он более не имеет, мирок манагеров на свой карман он покинул некоторое время назад и теперь занимается совсем другими вещами. «Мозги народу вправляю», – загадочно молвил мой старинный приятель и спросил, куда я держу путь. Я рассказал, что, по-видимому, уже никуда и придется ехать менять билет, чтобы сесть на завтрашний рейс или что-то в этом роде. Чертова пробка изменила все мои планы.

– А я, старик, еду на место преступления, – вдруг брякнул он, и лицо его при этом сразу омрачилось. – Помнишь Брасье?

– Конечно, – машинально ответил я и почувствовал, как нехорошо сжалось сердце, – романтик из Бордо, который устраивал нам с тобой и прочим раздолбаям-закупщикам не одну веселую и халявную французскую неделю. Три года назад был у него на свадьбе. Года полтора его не видел и ничего о нем слышал.

- Больше и не увидишь, – еще более помрачнев, сообщил Гера.
- Да не говори ты загадками! Что случилось-то! – не выдержав, почти прокричал я.
- Сам пока не знаю, но мне сообщили, что он погиб вместе со всем своим семейством.
- Ни фига себе! Как?! Когда?!
- Этой ночью. Я сейчас направляюсь к нему домой, хочу разузнать, что и как там было,

в подробностях. Проследить, чтобы журналисты чего-нибудь лишнего не наворотили.

Он явно что-то скрывал, этот Гера-хитрец, и я, раздираемый на части его недомолвками, интересом к происшествию, мгновенно принял решение:

- Возьми меня с собой!

Он удивленно вскинул брови:

- Но тебе же на самолет?!

Я, чувствуя неловкость от того, что мне приходится его упрашивать, отмахнулся:

– Я опоздал, и к черту все самолеты! Меня никто особенно не ждет, а для своих я улечу и вернусь очень не скоро. Успеется. У меня там дела долгие, у меня там месть, а месть как коньяк, она чем старше, тем крепче. Давай-ка я заберу вещи к тебе в машину, и мы поедем вместе.

То ли сраженный моим напором, то ли еще по какой-то неведомой причине он согласно кивнул. Моя решительность его не удивила. В мире бизнеса, откуда мы с Герой родом, на принятие правильного решения зачастую отводится мгновение. Решение принимается на интуитивном уровне и впоследствии оказывается единственно верным. И это вовсе не потому, что кто-то такой везунчик и баловень фортуны. Почти все здесь предопределено для каждого из нас заранее. Все мы движемся вперед за счет энергии Земли, и тот из нас, чья интуиция предугадывает ее правильное направление, всегда будет иметь лучшее в этом мире. А тот, кто ходит к исповеди, слушается болванов и слепо верит в догматы, окажется внизу, причем в буквальном смысле.

Я расплатился с немного обескураженным таксистом (или мне показалось и он с рождения такой «обескураженный») и поставил свою удобную дорожную сумку в багажник «Ауди».

- Негусто у тебя вещей-то, – заметил Кленовский.

– А зачем брать с собой много, когда в кармане «виза-платинум»? – усмехнулся я, и он одобрительно хмыкнул в ответ. В нашем мире такие шуточки понимаемы и ценятся. Это такой особенный снобизм, слова снобизма, которые ты имеешь право произносить, достигнув определенного уровня. А «виза-платинум» – это уровень, believe me in this case.

Постепенно мы доползли до поворота на Шереметьевскую, ушли вправо, затем повернули налево и запетляли в проездах Марьиной Рощи. Вынырнули перед самой Самотекой, причем Гера дважды нарушал правила перед самым носом у гаишников, но те только отворачивались. Меня это поразило:

– Слушай, что происходит? Ты доводишься родственником какой-нибудь шишке, и вся ГАИ знает тебя в лицо?

Вместо ответа последовал короткий смешок, но я не унимался, и тогда вместо ответа он полез в карман пиджака и небрежно протянул мне удостоверение в черной кожаной обложке с золотым тисненым орлом. Я раскрыл книжицу, и челюсть моя непроизвольно отпала. «Администрация Президента»! Но как! Как такой жук, как Кленовский, смог пролезть в этот космос без скафандра!

– Плюс к тому у меня на машине номера серии «а...мр», – высокомерно пояснил Гера, – с такими номерами ни один инспектор никогда не остановит. Зачем ему еще один геморрой в заднице помимо своего родного, хе-хе-хе.

Я со своими десятью миллионами евро, полученными от щедрого японского дедушки за спасение его милой маленькой внучки, мгновенно почувствовал себя жалким нищеломом. Да, да! Еще какой-то час назад, садясь в такси, я чувствовал себя царем Крезом, Рокфеллером! И

вот два кусочка картона с голограммами и печатями, соединенные между собой посредством коленкора, начисто лишили меня чувства превосходства над тем миром, который я покинул когда-то, считая себя счастливейшим среди клерков. Шутка сказать! Ну кто я такой? Рантье, свобода которого ограничена месячным доходом, получаемым от не больно-то щедрого банка Лихтенштейна. Те несколько процентов в месяц, которые я получаю, – это смешные (я уверен в этом) с точки зрения обладателя такого вот удостоверения деньги. Ничтожный мышинный пук.

Меня всегда откровенно бесило высказывание «а некоторые о таком даже и мечтать не смеют». Ну и хер с ними! Не смеют, значит, и не нужно им! Какого, спрашивается, черта я должен равняться на тех, кто плетется так далеко от меня, что его не увидеть ни в какую, даже самую мощную оптику? На авангард надо равняться! И если я хоть что-то понимаю в этом говенном мире, то мой приятель Кленовский схватил бога за бороду, вытянул из барабана судьбы счастливейший билет, обыграл Фортуну и цинично трахнул ее, а ей это, по всей видимости, очень понравилось. Она не была против такого поворота. С таким вот удостоверением в этой стране можно все. Все, понимаете?! То, что дает эта картонка, невозможно измерить в денежных знаках потому, что именно их, эти знаки, она в любом количестве и порождает. Словно гребаный сказочный северный олень по имени Серебряное Копытце или Золотая Антилопа, доставшаяся простоватому индийскому пастушку, который был альтруистом и молился Будде шесть раз в день. Наверно, его за это живым взяли в Шамбалу, и теперь он там трахает бабку Блаватскую и небось ничему не рад. Эх, да что там говорить. Эта ксива – скатерть-самобранка!

О, как бы я хотел иметь такую картонку с орлом! Чтобы вот так же, небрежным жестом вытащить ее из кармана и пихнуть всякому в рожу: «Нате, зырьте, усритесь от зависти! Я все могу! Я всемогущ! Я бог!» Как часто в своих мечтах я воображал себя генералом МВД или ФСБ, подтянутым и с тяжелым, стальным взглядом. Грезился мне черный, как этот «Ауди», членовоз, но только, конечно, гораздо солиднее, скажем, «Мерседес» представительской модели, и я внутри этого «Мерседеса». Дальше моя фантазия не простиралась, и я не мог себе представить ничего, кроме квадратных спин охранника и водителя впереди и синих отблесков мигалки в витринах Остоженки, по которой я с шиком проезжал бы, направляясь из своего учреждения. Воображал я и само здание, монументальное, с колоннами, где при входе отдает честь младший офицер-часовой, где у меня был бы кабинет размером с половину футбольного поля, а в кабинете, на стене, портрет Всевышнего, которому я стал бы служить, подвизгивая всякий раз, когда доведется с восторгом выговаривать высочайшую фамилию. Ах, как бы я этого хотел! Но... Этого никогда не будет. Никто и никогда не предложит мне стать генералом, не выдаст ароматный кусок картона с орлом и печатями. Рожей не вышел я. На лбу моем стоит клеймо откатчика, и поставлено оно настолько основательно, что ничто не в состоянии вытравить его, сделать неприметным, словно клеймо на плече миледи Винтер – жены унылого Атоса, которую трахнул, а потом все равно казнил мушкетер-госслужащий Боярский (зачеркнуто), д' Артаньян.

Вот она – тяга к системе. Находясь внутри любой из систем, с жадностью мечтаешь о свободе, желания твои не простираются дальше обладания миллионом-другим в твердой валюте. А что там должно быть дальше – совершенно не представляется, есть лишь какой-то заманчивый туман оттенка заварного крема. Стоит же все это получить, как туман рассеивается, и оказывается, что он скрывал пустоту. Фантазии на то, как бы с толком использовать долгожданную свободу, не хватает, и возникает непреодолимое желание вновь оказаться внутри системы, причем, конечно же, более серьезной и значимой, чем та, из которой прежде освободился...

– Марк! Эй, Марк! – Оказывается, Гера звал меня, но я его сразу не услышал. Когда я очнулся, отдышался после вихря мыслей, то, видимо, на моем лице все было написано, и Гера без труда прочитал этот несложный внутренний монолог: – У тебя блатная истерика? Впечатлен моей ксивой?

Я в ответ честно кивнул: «Впечатлен, к чему скрывать». Гера насупился, убрал картонку в карман и угрюмо пробормотал:

– Знаешь, счастья это положение не приносит никакого. От меня вторая жена ушла. Уехала с каким-то англичанишкой и забрала с собой нашего сына. Вот дерьмо! – Он ударил по рулю, и машина пошла чуть в сторону, но он спохватился и выровнял ее. – Хочешь, я расскажу тебе, как я живу? – И, не дожидаясь моего согласия, продолжил: – Двух моих детей от Машки воспитывает какой-то мудака-летчик с одной извилиной в голове, и той от фуражки. Они его называют папой, а меня не хотят видеть совершенно. Небось ходят с ним в зоопарк, блядь, в кинотеатры на всякие там мультики-хулютики, он им покупает мороженое, поебывает Машку, и у них полная семейная идиллия. Живут где-то, я даже и не знаю теперь, где именно. Дача у них есть, небось в каком-нибудь Клину! – свирепо выкрикнул он.

– Почему именно в Клину? – зачем-то спросил я.

– Да по фигу где! У них все хорошо, понимаешь?! Бабла нет, но и проблем таких, как у меня, тоже нет! Они счастливы! И Настя... – Мне показалось, что он всхлипнул, – я, мудака, ее бросил ради какой-то прожженной бляди, которая к тому же оказалась шпионкой, еблась напропалую с моим покойным шефом, а потом как ни в чем не бывало приходила в мою постель.

– А шеф-то почему покойный? – с глупым, наверное, видом, вновь задал я вопрос Герману.

– Потому, – злобно ответил он и потянулся за сигаретой.

– Так с ней и живешь?

– С кем? – не понял он.

– Ну, с этой... С прожженной.

– Нет, – он задохнулся дымом, закашлялся, – она пропала без вести.

Я вжал голову в плечи. Рядом с этим щуплым и неистовым перцем я сам себе казался ничтожным, отставшим от жизни нытиком.

– А чего ты сам за рулем-то? Тебе же поди шофер полагается?

– Был шофер. – Гера сделал подряд несколько затяжек, на два пальца опустил стекло и выбросил окурочок. – Помер от какой-то заразы. Нового я пока не подобрал. Шофер – это же чуть ли не член семьи, тут повнимательней с выбором надо, – пояснил он.

– Странно, что вокруг тебя все мрут, – мысленно расставаясь с искушением обладать всемогущим удостоверением, заметил я, – а скажи, что тебе до Брасье-то? Не все ли тебе равно, что с ним случилось?

Он повернул ко мне голову, и я, вопреки всем ожиданиям, увидел на его лице выражение растерянности и тоски. Впрочем, на смену ему быстро вернулась прежняя угрюмая тяжесть:

– А тебе не все равно? Что ж ты так быстро подорвался-то? Даже на аэропорт забил, а?!

– Черт его знает, – пожал я плечами, – все же мы были знакомы, вместе тусовались, пили, зажигали и здесь и там. Он был неплохим товарищем, даром что француз. Нетипично для француза быть нормальным человеком. А Жан-Жак однажды спас меня от увольнения.

– Каким образом?

– Вступился за меня перед начальством, когда я еще в «Восьмом океане» батрачил. Дал мне правильную характеристику, и меня долгое время не трогали, а я ведь только потом узнал, что это он меня отмазал. И еще до этого он однажды предупредил меня о подставе. Представляешь! О подставе со стороны его же земляков-французов. Брасье был порядочным человеком, Гера, не то что те двое ублюдков.

– Да уж, – размышляя о чем-то, пробормотал Кленовский, – у меня похожая ситуация была...

– Ну, что еще?.. Я бывал у них дома, держал на руках его дочку, с Танькой был знаком. Мы с ней часто за жизнь разговаривали. Она была умной и славной бабой. Не могу поверить...

Короче, я думаю, что, наверное, это даже для двух таких циничных скотов, как мы с тобой, будет по-человечески поехать туда и попытаться выяснить, что случилось. А выяснив, попытаться отомстить.

– Ты, значит, Марк, по-человечески хочешь поступить? – без иронии спросил Кленовский и, получив от меня утвердительный кивок, ответил: – Вот и я тоже. Хочу попробовать научиться поступать по-человечески. К тому же мне и по должности положено в такие дела вмешиваться. Здесь межнациональным конфликтом пахнет, информационной оглаской. А это как раз по моей части. Видишь, как все совпало.

– Вот и приехали, – сказал он двумя минутами позже, – вроде здесь. Ну точно. – Машина въехала во двор старого шестиэтажного дома, и мы увидели, что возле одного из подъездов собралась целая толпа. Там же стояли несколько карет «Скорой» и многочисленные милицеские машины. Гера втиснул свой «Ауди» в промежуток между мусорным контейнером и какой-то монументальной развалюхой без колес, мы вышли и, не разговаривая, быстро двинулись к людям и машинам, скопившимся, вне всякого сомнения, по той же причине, что привела сюда и нас.

5

Лица праздных зевак отражают всегда нехитрый калейдоскоп эмоций. В нем лишь любопытство, притворное сочувствие, затаенная ухмылка, а в глазах искорки настоящего счастья а-ля «как хорошо, что это не со мной случилось». Возбуждение толпы чувствуешь особенно, когда проходишь сквозь нее и находишься в людском поле из запахов и чувств. Собственные ощущения многократно усиливаются, обостряются, весь вдруг превращаешься в один большой рецептор, готовый уловить малейшее изменение среды вокруг.

Сновали в этой толпе несколько деловитых борзописцев со своими диктофонами и камерами, искали сенсаций. Лица этих господ всегда «в формате», они имеют выражение морды гончей собаки, которая почуяла свежий след. Немного в стороне покуривали у своих камер на треногах телеоператоры в кепках с логотипами «НТВ», «РТР» и так далее. Они давно настроили дула своих гиперболоидов на дверь подъезда и ожидали, когда им можно будет начать «ловить в кадр». Кто-то, надутый словно индюк, давал интервью «НТВ». Похож на генерала в штатском.

Я не ошибся. Гера твердым шагом направился именно к этому индюку. Тот, словно затылком почуяв приближение Кленовского, прервался на полуслове и резко повернул голову. Я увидел красное лицо, нос, похожий на перезрелую грушу, маленькие глазки, узкогубый рот и крепкий подбородок боксера.

– Так, все, – скомандовал этот человек оператору, – вырубай камеру. Начальство приехало. Здравия желаю, Герман Викторович!

Я был поражен такой реакцией на появление моего приятеля. А он, как ни в чем не бывало, пожал индюку его широченную лапищу, приветливо кивнул борзописцам, которые уже столпились вокруг, словно по команде. По всей видимости, они отлично знали, кто приехал, и, как я ни старался держаться поодаль, некоторые из журналистов принялись довольно бесцеремонно разглядывать меня.

– Так, пресса свободна! – каким-то не своим голосом, потянув последнюю «а», на гомосексуальный манер скомандовал Герман. И стайка журналистов мигом разлетелась. Ну, чисто воробы! – Марк, вот познакомься, заместитель начальника московского ГУВД генерал-майор Коваленко Иван Иванович, – представил Герман человека, которого я мысленно сравнил с индюком. Ничего себе! Генерал-майор! Высокого полета птица! Ну, раз уж заместитель начальника ГУВД желает Гере здравия, то Гера не просто схватил бога за бороду, а бог разрешил ему сидеть рядом с собой. Чувство жгучей зависти захлестнуло меня, и я, отвечая на приветствие Коваленко, едва был в силах пошевелить языком и пробормотал что-то невнятное.

– Так что там? – Гера кивнул в сторону дома. – И Коваленко принялся докладывать четким, чуть приглушенным голосом:

– Трех замучили. Пытали, издевались и убили. Квартиру подожгли, но тяги не было, поэтому выгорело мало. Труп хозяина сильно обгорел. Девочку искололи предположительно ножами. Женщину нашли в ванной. По всей видимости, задушена. Подъезд оцеплен, в квартире работают криминалисты, трупы еще не вывозили. Хотите взглянуть, Герман Викторович?

– Хотим, – Герман поманил меня за собой, – ты идешь?

– Да, да, – я торопливо зашагал следом.

Миновав милицейский кордон, мы поднялись на второй этаж, в подъезде стоял запах гари и ремонта – весьма тошнотворное сочетание. У дверей квартиры Брасье гарь вытеснила все остальные запахи. Мы вошли внутрь. Картина поначалу не представилась мне страшной: просторный холл с добротным ремонтом, на полу довольно чисто, никаких следов разгрома. В холле находилось двое санитаров, носилки они прислонили к стене, один из них расправлял в

руках черный мешок на «молнии». Из двери ванной вышел какой-то человек с очень спокойным лицом и в больших очках, сказал санитарам, что он закончил и они могут приступать.

– Подождите! – приказал Коваленко. – Сейчас мы посмотрим, и тогда заберете.

В ванной лежала совершенно голая женщина с синим, страшным лицом. Глаза ее были выпучены, рот искривлен, язык вывалился наружу, и я особенно поразился тому, что он совершенно черный.

– Таня, – совершенно без эмоций, механически произнес Герман, – боже мой! Почему она... такая? – обратился он к Коваленко.

– Так я же и говорю, что задушили ее, – нервно ответил тот.

– Марк, ты говорил, что хорошо знал Таню? Это жена Брасье, наша с Марком подруга, – пояснил Гера для Коваленко, и тот послушно наклонил голову.

– Конечно, – я кивнул, – я знал, что он ухаживал за Таней, ведь я Таню и до их свадьбы хорошо знал. Она же из наших, в смысле, из алкогольной тусовки, а я оттуда почти всех помню. Я его последний раз видел года полтора назад. И его, и всю семью. Девчушка тогда была совсем крошечная, спала в коляске, а Танечка выглядела очень счастливой, просто сияла. Она красивая женщина, и вкус у нее, что и говорить, был отменный.

– Ей было двадцать девять лет, только недавно исполнилось, – сглотнул Гера и попросил у Коваленко сигарету. Я подумал и попросил тоже...

В гостиной уже другие санитары грузили тяжелый мешок на носилки. Их заставили растегнуть «молнию»... Лучше бы мы этого не делали. Зрелище было поистине ужасным. Жан-Жак напоминал огромную головню, волос на голове не было, кожа на лице совершенно почернела, и жутко белели на угольном фоне оскаленные зубы...

6

...Жан-Жак Брасье действительно не был ублюдком (а среди французов их предостаточно), вероятней всего, еще и потому, что в его жилах бурлило не менее половины итальянской крови. Так получилось, что из всех народов, населяющих Европу, я более всего не могу терпеть французов, а к итальянцам отношусь с огромной симпатией. Они жулики и раздолбаи, эти итальянцы, и это роднит меня с ними. В конце концов, все самое прекрасное, что есть на земле, начинается в Италии. Первые банки появились в Венеции, а это о чем-то да говорит. Нет, я не националист, не шовинист, не подонок, что оскорбляет нации и народы, разделяя их по тем же признакам, по которым их разделял упырь с косой челкой и усиками, по вине которого немцы превратились в вечно виноватых перед всеми тихонь. С таким же успехом можно было бы обвинить в «национализме» Булгакова за те слова, что вложил он в уста Воланда. Помните его коротенький монолог о «вопросах крови»? Прав, прав был автор! Кровь, наследственность, гены – вот что отличает всех нас, и так заведено с первого дня сотворения мира и закреплено вавилонской перепалкой, когда все вдруг перестали друг друга понимать и разбегались кто куда, не достроив башню и разворовав стройматериалы.

Любить или не любить – исключительное право каждого. Вот и я имею право говорить о том, что мне не нравятся французы, при этом совершенно не объясняя это примитивными расовыми теориями. Все гораздо проще. От французов в моей жизни произошло много всякого дерьма. Мой начальник, француз по фамилии Блондо, который невзлюбил меня лишь за то, что я католик, а он протестант, был двурушной тварью, которая улыбалась в глаза и гадила за глаза так, что потом приходилось долго обтекать и отмываться от того, чего не было на самом деле. Еще парочка французов, представителей фирм-поставщиков, во время моей легендарной откатно-закупочной деятельности были сраными стукачами и стучали мне на всех и всем на меня потому, что я считал их вина плохими (так оно и было на самом деле), а потом и вовсе придумали жестко подставить меня. Фамилия одного, как сейчас помню, была Форестье, а другого звали Жерар. Фамилия Жерара навеки моей памятью утрачена. Эти двое были из разных компаний, но вели себя удивительно схожим образом. Приходя на переговоры, они елеяно улыбались, рассказывали грязные сплетни о коллегах-закупщиках из других сетей, и если речь шла о коллеге-девушке, то мне поневоле приходилось выслушивать подробности обо всех ее романах, а если о мужике, то здесь начинался просто водопад сплетен, достойных сельской завалинки, на которой предпочитают проводить время бабы-кумушки, грызущие семечки и перемаывающие косточки всем и вся. А еще французы очень любят поправлять во время переговоров носки, тем самым ни в грош не ставя собеседника, и носят рубашки с обтерханнкими воротничками. Брррр!

Брасье был полной противоположностью тем своим соотечественникам, по которым я составил впечатление о целом народе. Да, именно так! Когда ты выезжаешь из своего города в другой, то ты представляешь свой город. Именно по тебе люди, которые не были в твоём городе, станут судить о нем. И уже от тебя зависит, что подумают они, глядя на тебя и твоё поведение. Когда же ты попадаешь в другую страну, то здесь этот принцип становится абсолютным! Именно поэтому, когда железный занавес рухнул и орды пацыков с барсетками и в золотых ошейниках стали тусоваться на Ривьере и на прочих мировых курортах, барагозя так, что только дым стоял, за Россией и за русскими немедленно закрепилась самая дурная слава. Оказываясь за границей, я вообще никому не говорю, что я из России. Скажешь «я русский», так начинают смотреть, как на кучу дерьма с понтами до небес и с непредсказуемым поведением алкаша.

Жан-Жак умел хранить чужие тайны, и, что самое важное, он действительно умел дружить. Как-то он сказал мне: «Меня здесь принимают за экзотическое животное, за диковинного

попугая! А я обыкновенный человек с такими же проблемами, что и у тебя, Марк. Девушки интересуются мною лишь потому, что у меня в кармане паспорт другой страны, где, по их мнению, текут молочно-медовые реки». Однажды, когда я еще работал на большого дядю Вову (владельца империи магазинов, а ныне еще и политика, который предлагает кастрировать педофилов), Брасье позвонил и, волнуясь, постоянно сбиваясь с русского на французский и чрезвычайно от этого сердясь и «мердя» через слово, предложил встретиться «где-нибудь бухнуть».

– Я срочно должен тебя усмотреть, поелику тебя ожидает беда, – витиевато выразился он в конце концов.

И действительно, если бы не предупреждение Брасье о готовившемся против меня заговоре, о подставе со стороны этих самых Форестье и Жерара, его же соотечественников, то я бы хапнул от них взятку в десять тысяч долларов и тут же был бы с позором уволен, а мое место занял бы нужный тем двум французикам пащенок по фамилии Гуляко – нечистоплотный кусок говна с угревой сыпью возле рта, напоминающей эспаньолку. Кстати, и Гера знал этого «Гуляку», а при упоминании его фамилии начинал чуть ли не блевать.

– Марк, я случайно узнал, они со мной поделились. Знаешь, все французы в Москве посещают клуб «Франкофон» и тесно друг с другом общаются, – тихим голосом сообщил Брасье, – не наделай глупостей. О тебе многие говорят всякие неприятные вещи. Я не претендую, чтобы ты относился к моей компании как-то по-особенному после этого разговора, я просто не хочу, чтобы с тобой произошло все это... весь этот скандал... Ведь мы друзья, не так ли? Друзья должны друг другу помогать.

– Да, Жано, – так я называл его на манер того, как называли в свое время декабриста Пущина – «большой Жано», – мы друзья.

Тогда я придумал лихую «комбину». Дождавшись, пока Форестье передаст мне конверт с деньгами прямо в переговорной, я доверительно шепнул им обоим, что должен отлучиться на минутку, убрать денежки, а сам вернулся с начальником службы безопасности (ныне депутат от КПРФ) и, указывая на двух разом побледневших ублюдков, спокойно произнес:

– Вот сидят двое, которых надо немедленно арестовать за попытку подкупа.

Ограничились тогда прекращением работы с компаниями как Форестье, так и Жерара, а мне только того и надо было. Брасье работал тогда в «Вильям Питтерс» (там же, кстати сказать, работал когда-то и Сережа Минаев), и я с чистой совестью помогал этому «Питтерсу» зеленым семафором. Так Брасье спас меня от позора и действительно страшных, далеко идущих неприятностей. Нет, такое не забывается. С тех пор мы с ним по-настоящему крепко сдружились, и теперь я хочу вернуть ему дружеский долг, хотя бы посмертно...

7

...Я почувствовал тошноту, Геру вывернуло прямо на пол, Коваленко был человеком закаленным и на все реагировал гораздо спокойнее. С сочувствием поглядев на наши белые от ужаса лица, он спросил:

– Вы как? А то, может, вам на девочку не стоит смотреть?

– Нет, стоит, – твердо ответил я, – чего уж там. Пришли, так пусть нам все покажут.

– Да, конечно, – пробормотал Гера, – надо посмотреть. Какой ужас! С ума сойти можно! Это моя крестница. Где она? Марк, можешь за мной понаблюдать? А то мне кажется, что я сейчас могу в обморок упасть.

Я взял его за рукав:

– Так нормально?

– Нормально, спасибо тебе.

Мы вошли в детскую. Здесь еще никого не было, кроме малышки, которая была до подбородка накрыта стеганым, с мишками и тигрятами, покрывалом и, не мигая, смотрела в потолок. Казалось, что с ней все было в порядке и она жива. Казалось, что увидела на потолке что-то очень интересное, сказочное, в удивлении открыла рот и показался сахарный молочный зубик. Девочка была похожа на симпатичного зайчонка из старого рисованного мультфильма, в котором злодеи мешали Деду Морозу проехать на праздник. У тех, нарисованных, ничего не вышло, добро победило, и все остались при своих, а вот у этих, настоящих, у тех, кто устроил эту безжалостную, бесчеловечную бойню, получилось все от начала до конца. Никто не уцелел, и зайчонок все смотрел в потолок своими огромными, прекрасными глазами. Я понял, что плачу, когда почувствовал на губах соль.

– Это я ее накрыл, – сокрушенно вздохнул Коваленко, – не было сил смотреть. На теле ни одного живого места. Мне сперва доложили, что это ножом ее, а потом нашли возле кровати стамеску.

– Кто это сделал? – прохрипел Гера. – У кого рука поднялась? Это же не люди, это звери.

Мы вышли на улицу. Толпа этих непуганых идиотов расступалась перед нами, не было сил смотреть на их мешанские тупые хари. Травки пришли пощипать, бараны?! Медом вам здесь намазано? Повод посудачить?!

– Вообще-то есть версия, – заговорил Коваленко, когда мы отошли от скопления зевак на приличное расстояние, – в квартире этажом выше двое узбеков делали ремонт. А теперь они пропали, и никто их со вчерашнего дня не видел. Все совпадает, и стамеска – улика почти неопровержимая. Я-то уверен, что это их рук дело, уже ищут хозяев квартиры, они должны знать, кто у них работал. Наверняка у них и копии паспортов тех двух гастарбайтеров имеются. Сейчас все быстро пойдет, я думаю.

– Вы думаете?! – Герман сразу начал с довольно высокой ноты. – А вы не думайте! Тут надо действовать, понимаете вы?! Действовать! Молниеносно! Все вокзалы перекрыть, все аэропорты, хозяев этих гребаных в кандалы и на допрос! Пусть отвечают за то, что наняли не пойми кого!

Глаза Коваленко подернулись адреналиновой пеленой ненависти. Даже странно, как такой, по всему видать, опытный сотрудник так неважно, так откровенно реагирует на вопли какого-то... Хотя это для меня, который вне их системы, Кленовский «какой-то», а для генерала этот выскочка – невольный авторитет. Именно так, «невольными авторитетами» я всегда называл тех, кто волею судеб стоит выше нас, дан нам в руководители, причем в руководители, которых никто не уважает. Авторитета заслуженного такие люди не имеют, но так как находятся на некоторое количество ступеней выше, а значит, угодили туда вследствие каких-то особых обстоятельств, то свой авторитет они нам навязывают против нашей воли. Неволь-

ных авторитетов ненавидят, боятся, пресмыкаются перед ними, и таков абсолютный процент отношений между лицом подчиненным и лицом вышестоящим, особенно когда подчиненному хорошо за пятьдесят и погоны выросли в плечи, а начальнику едва за тридцать и он упивается своим положением на служебной лестнице.

– Герман Викторович, – голос Коваленко стал еще глуше, в нем проскальзывали хриплые нотки и время от времени слышался сабельный звон, – мы предпринимаем все необходимые меры, следствие идет полным ходом, и вы напрасно считаете, что вправе вот так, таким тоном мне указывать, что делать. Я в милиции тридцать лет, я...

– Вы вот что, давайте-ка все вот это вы оставьте сейчас же. Я прекрасно знаю, как работает ваше ведомство и как оно на самом деле может работать. Вам необходимо постоянно долбить клювом в темя.

Я был сражен! Гера, что называется, «чморил» генерала, «чморил» по полной! Я видел, как у того сжимались кулаки и на лбу выступила крупная сетка вен, а Гера все нагнетал атмосферу!

– Вы должны понять, что это дело находится на контроле в Администрации Президента! Это факт! Здесь явный национальный подтекст, это не просто уголовное преступление, это преступление, последствия которого могут перерасти черт знает во что! Мне вам объяснять, чем может обернуться этот случай, если придать ему соответствующую информационную огласку? Вам знаком Петр Сеченов?

Коваленко испуганно ответил:

– Так точно.

– Хотите, чтобы он стал вашим куратором? Он может. На правах старшего брата, так сказать. Вот я ему сейчас позвоню, – Гера достал телефон, но Коваленко униженно стал просить его Сеченову не звонить:

– Герман Викторович, мы все сделаем, я вам даю свое слово. Каждый день буду лично вам докладывать о ходе расследования.

Герман помедлил, убрал телефон и согласно кивнул:

– Хорошо. Договорились. Поймите, этот француз был моим, – он мельком глянул в мою сторону, – нашим другом. Я был у него на свадьбе свидетелем. Я крестный его дочери. Мне самому не безразлично, как все пойдет. Главное, что следует помнить, чтобы концы всегда были в воде, понимаете? (Коваленко в ответ сделал умное лицо).

Гера иссяк. Он опустил свои и без того узкие плечи, ссутулился, подал генералу вялую ладонь и вспомнил о моем существовании:

– Поехали ко мне, что ли? Помянем?

Я впал в легкое замешательство. Пить я не хотел, ведь мой роман с алкоголем закончился несколько лет назад. Но шестым чувством я ощущал, что отказаться сейчас от этого приглашения означает потерять что-то невероятно важное, что само плыло в руки. Ведь недаром мы встретились в той пробке! Не бывает таких совпадений. Эта встреча может начать новый цикл в моей жизни.

– Поехали, – согласился я, – помянуть нужно. Да и поговорить не мешает как следует, а то мы все галопом по европам. Меня трясет от увиденного. Это невероятно. Я все понимаю, но ребенок... Ее-то за что они так?

– Звери чужой боли не чувствуют, – задумчиво ответил Гера.

По дороге он позвонил какому-то Петру, попросил его подъехать.

– Познакомлю тебя с одним интересным человеком, – пояснил Кленовский, – тебе полезно будет.

Предложение генерала Пети
Москва, сентябрь 2006 г
Португалия, Мартинал, июль 2005 г

1

Это был один из многочисленных московских ресторанов с космическим уровнем цен и жратвой стандартного качества. Такое сочетание может удовлетворить лишь тех, кому не повезло с семейным окружением, где женщины не владеют приемами кухонной магии. Ресторанам не дано удивить меня. Я взошел на ниве домашнего гурманства, и ничто не в силах поколебать моей уверенности в том, что лучше моих женщин не готовит никто в этом мире. Впрочем, это я, конечно, хватил через край, и есть где-то подлинные места с высокой кухней, блюда которой приготовлены из особенных, местных продуктов, но Москва к таким местам явно не относится. Здесь все готовится из продуктов, которые (это еще в лучшем случае) доставлены в замороженном виде по воздуху и продаются в оптовых гипермаркетах. Московские повара скорее дизайнеры, чья задача придать блюду замысловатую форму и подать его на тарелке от «Мэйсон».

С видом знатока Гера смаковал кусок бараньей ноги в каком-то «сопливом» соусе. Я ограничился фрикасе из крабов с гарниром из спаржи, риса басмати и зеленой фасоли, хотя с большим удовольствием проглотил бы сейчас тарелку огненного кавказского борща и сковородку жареной картошки. Вот такой у меня «низменный вкус», хе-хе.

Пили почти замороженный сотерн, который своим резким, изюмным вкусом начисто забивал вкус наших блюд. Мы оба долгое время просидели в алкогольной теме и за эти годы перепробовали все мыслимые сочетания вин с продуктами. Удивить нас с Кленовским было невозможно. Для нас запивать горячее десертным вином было своего рода антикичем, милым извращением, стремлением получить неожиданное ощущение новизны, хотя, повторюсь, двум столь пресыщенным персонам, как мы, ничто не было в новинку. И даже изюмный сотерн по триста евро за бутылку ничем нас не вдохновил.

– Знаешь, с таким же успехом можно было спросить кока-колы, – заметил я, – ощущения были бы схожими.

– Мы с тобой два тщеславных идиота, – пробормотал Кленовский, – ищем новое там, где его и быть не может. Для меня весь алкоголь давно уже превратился в какую-то средне-статистическую микстуру, от избытка которой наутро хочется свести счеты с жизнью. А вся гребаная высокая кухня – это вообще чушь собачья и разводка на бабло. Грустно, не так ли?

– Да, ты прав. Вообще-то грустно. И не только поэтому. Раньше все было в новинку. Помнишь, как мы зажигали? Постоянно было желание попробовать что-то новое. А сейчас?

– Ты как насчет наркотиков? – несмело спросил он. Вообще разговор как-то не клеился. После увиденного все слова были пустыми, все темы казались легкомысленными до одурения. – Я-то сидел одно время, – признался Кленовский.

– На игле?! – охнул я.

– Да нет, слава богу. На белой дороге. – Видя мое непонимание, он искренне удивился:

– Не понимаешь?! Кокаин!

– А теперь?

– Да ну его на хер, – отмахнулся Гера, – сейчас я на другом сижу. Это вставляет лучше любой дури. Власть, старик. Под властью и без марафета гоношит так, что пиздец. Видал, как я того мента опустил? – хвастливо спросил он.

– Видал... Круто было. Как ты попал-то в такое место, ума не приложу.

– Судьба, – хмыкнул Гера, – все предопределено заранее. Кому что на роду написано, то и будет. Я и сам не ожидал, что так все завертится. Меня же один козлина чуть жизни не лишил. Стрелял в меня...

– Знакомо. И стрельба, и теория твоя. У нас с тобой много общего, старик.

Что-то под столом отвлекло меня. Как будто что-то легкое почти неощутимо коснулось ноги. Я нагнулся и ничего, естественно, не заметил. Зато когда я выпрямился, то увидел, что за нашим столом пополнение в виде коренастого и очень крепкого, чрезвычайно загорелого мужика лет пятидесяти в баснословно хорошем костюме.

– Здравствуйте, – сказал я и протянул руку.

– Ага, – сказал мужик и ответил на рукопожатие так сильно, что у меня заломило кисть. «Серьезный человек, – подумал я, – такой голову в два счета открутит. На бандита не похож, глаза чересчур умные, и нет в них гангстерской шалой удалы».

– Это Марк Вербицкий, – представил меня Герман, – а это Петр Валерьевич Сеченов, генерал-лейтенант в отставке и руководитель департамента специального планирования Администрации Президента.

– Генералов в отставке не бывает, – хохотнул Сеченов, – можно просто Петя. А за глаза меня называют генерал Петя. Это вроде устоявшейся кликухи, – пояснил он, глядя на меня так, словно я был мишенью в тире. – Чего пьете-то? – Генерал Петя цапнул со стола бутылку сотерна и повертел ее в руке. – Вы как голубки прямо. Сладким ссаньем балуетесь, – смачно изрек он и небрежно поставил, почти бросил бутылку обратно. Она опрокинулась, и остатки вина вылились на скатерть. Генерал Петя довольно крикнул: – Дай-кась я закажу таперича. Эй, человек, псс! – и Сеченов пощелкал пальцами, подзывая официанта. – Тащи сюда вискаря большой графин, а на кухне скажи, чтобы мне оливье приготовили с колбаской и заправили майонезом «Провансаль». А то фигли понтоваться-то? – подмигнул он нам по-свойски.

– Началось, – с тихим отчаянием едва выговорил Гера. Я прочитал слово по его губам, а генерал Петя вообще никак на это не отреагировал.

Ну, вот и конец мне. Если вино позволяло надеяться на минимальные последствия для моего давно не пьющего организма, то литровый графин вискаря, который возник на столе словно сам по себе, не оставил никаких шансов провести этот вечер в трезвости, а следующее утро без похмелья и больной головы. Вспомнив немигающие глаза маленькой девочки, я одним махом выпил полстакана.

– Молодец! – похвалил меня генерал Петя и повторил за мной следом. Гера также в долгу не остался.

– Вообще-то я давно завязал, – пояснил я генералу, – только после того, что мы с Герой увидели, если не выпить, то можно умом тронуться.

– Да уж, – поддакнул Гера, – это за гранью всякого зла, по-моему.

Еще выпили по одной. Помолчали.

– А отчего именно тронуться-то? – немного погодя спросил меня Сеченов. – Ты слишком впечатлительный, что ли?

– От ярости, – искренне признался я, – от того, что нет рядом тех, кто это сделал.

– А что бы ты, к примеру, с ними сотворил? – поинтересовался генерал Петя.

– На куски бы порезал, – пьянея, ответил я, – вот этой вот недрогнувшей рукой.

Быть может, мне показалось, что я увидел, как Сеченов с Герой быстро, с удовлетворенным видом переглянулись.

Потом тема разговора на какое-то время ушла в сторону. Генерал Петя как бы между прочим расспрашивал меня о деталях моей биографии, мы с Герой вспоминали забавные случаи из жизни общих знакомых, но так или иначе всякая попытка разговариваться «на троих» неизменно приводила нить беседы к Брасье и тут же обрывалась, молниеносно уводя нас от

смешных воспоминаний о прошлом к беспощадной конкретике нынешнего трагического случая. Неожиданно генерал Петя спросил:

– Тебе, значит, доводилось людей убивать, раз ты так легко об этом рассуждаешь?

– Э-э-э... – промямлил я и решил вообще ничего не отвечать.

– Понятно, – глубокомысленно изрек глава департамента специального планирования, – а ты вообще чем занят в ближайшее время?

– Он путешествовать собирался, – влез Кленовский, – на самолет опоздал.

– Да, все так и было, – кивнул я.

– Путешествовать-то куда? В Южную Америку? – прищурился генерал Петя, и вновь я почувствовал себя мишенью в стрелковом тире. Такой, знаете ли, ростовой мишенью. Макетом из фанеры, который падает, когда в него попадают из боевого оружия с приличного расстояния.

«А вам-то не все ли равно?» – очень хотелось сказать мне, но я сдержался и вместо ответа лишь кисло улыбнулся.

– Да ладно, фиг ли там уж, – подмигнул мне Сеченов, – я-то все знаю о твоих подвигах. И про фашистов, и про Струкова-недомерка, которого ты в расход пустил, и про испанку, которая тебя кинула, тоже знаю.

Я не стал спрашивать, откуда он все это знает. Я даже хотел встать и уйти, но вновь сдержался. Вместо всех этих действий я вежливо попросил генерала Петю насчет Клаудии ничего не говорить:

– Я на нее зла не держу. Ее убили из-за этих денег.

– И это я тоже прекрасно знаю. Даже знаю, как это было. Рассказать?

Я отодвинул подальше от себя наполненный стакан. Не хочется мешать это с алкоголем.

– Расскажите...

2

...Она накормила малыша завтраком. С любовью погладила его смешные русые кудряшки. Кудряшки младенческие, они уже почти сходят, а цвет волос папин. Мой цвет волос. У самой Клаудии была иссиня-черная грива почти до пояса. Когда она расплетала ее, то мне казалось, будто у нее на голове черная длинная фата. Хотя теперь мне кажется, что это была не фата, а траурный убор.

Она поцеловала сына в лоб. Закрыв глаза, с наслаждением вдохнула его запах: такой запах бывает только у детей лет до трех, а потом навсегда уходит: запах теплого сухого сена, в котором много клевера и сладкого молока. Что-то почти неуловимое в этом запахе, передавшееся мальчику от отца, мгновенно воспроизвело перед ней мой образ. Клаудия вспомнила тот вечер, когда она сидела на берегу залива Ла-Плата с бутылкой виски в правой руке и смотрела, как я выхожу из океана. Именно таким я почему-то запомнился ей, и никогда она не вспоминала меня иначе.

– Марк!

– Да, мамочка?

– Нет, сынок. Я... зову не тебя.

– А кого?

– Твоего папу.

– Папа... А он где?

Дверь, не закрытая на замок, от мощнейшего удара чуть не слетела с петель и пробила своей ручкой дырку в стене. Не помог даже дверной упор, прикрепленный внизу. Клаудия, недоумевая, откуда вдруг взялся столь резкий порыв ветра, двинулась было в сторону коридора но, не пройдя и двух шагов, была сбита с ног баскетбольного роста великаном, обладателем плеч шириной с дверной проем. Маленький Марк принялся кричать от страха, но рот ему быстро зажала ладонь второго громилы ничуть не меньших габаритов.

С ней особенно не церемонились. Несколько сильных пощечин, два-три тычка стволом пистолета в живот и один и тот же вопрос:

– Где деньги?! Где деньги, шлюха?!

Она сразу поняла, что отпираться бессмысленно. На секунду мелькнула мысль: «Быть может, сказать им, что все деньги взял мой русский друг?» Но даже в таком состоянии гордая женщина тут же прокляла себя за малодушие.

– Я все скажу, только оставьте нас в покое! Отдайте мне сына, он сейчас задохнется!

Громилы, державший моего мальчика за шиворот, словно котенка, через стол кинул его ей, как кидают баскетбольный мяч. Этот мяч Клаудия, конечно, поймала.

– Номер счета в ноутбуке, он в кабинете на столе. Я истратила немного, но все, что потратила, я обязательно верну.

Вооруженный пистолетом громилы кивнул своему напарнику:

– Иди проверь.

– Все в порядке, она в онлайн-программе банка.

Тогда Клаудия увидела огромное, как жерло вулкана, пистолетное дуло, направленное ей точно между глаз:

– Пароль?

Она назвала пароль. Потом еще раз громко и отдельно повторила его, чтобы тот, кто стоял сейчас возле ее компьютера, смог тут же ввести символы в белое поле:

– О'кей, Пабло! Все в порядке! Деньги переведены.

Тот, которого звали Пабло, большим пальцем взвел курок «беретты»:

– А где твой дружок?

– Я не видела его с тех пор, как мы расстались в Аргентине три года назад. Клянусь вам. Простите меня, я...

Пуля ужалила ее в лоб. Выстрел навеки успокоил Клаудию, и ее чудесные длинные волосы разметались по полу, образовав вокруг головы черный блестящий нимб.

– Что со щенком?

– Вышиби ему мозги, только смотри, чтобы на тебя дерьмо не попало...

3

Покуда генерал Петя рассказывал, я весьма живо представлял себе все, что произошло однажды в далеком португальском поселке. Стоило ему закончить, как я довольно мрачно спросил его, откуда такая точность в описании, словно он в тот момент находился где-то поблизости и все наблюдал своими глазами. На это генерал Петя ответил очень серьезно:

– Я всю жизнь, сколько себя помню, работаю в разведке. А разведку интересует весьма обширный круг вопросов. К ним, безусловно, относятся взаимоотношения некоторых неофашистских организаций Южной Америки и хрестоматийно известной группировки ЭТА. И надо сказать, что взаимоотношения эти весьма теплые. Уверяю тебя, что с севера Испании, из Страны Басков, гораздо ближе до Португалии, чем, скажем, из Буэнос-Айреса или какого-нибудь Барилоче. Один звонок, прошедший по трансатлантическому кабелю, – и двое отморзков садятся на самолет до Доностиа-Фаро, где их уже поджидает машина с ключами, в багажнике которой ждет своего часа безотказное огнестрельное оружие итальянского производства. Они едут два – два с половиной часа, делают то, о чем их попросили во время телефонного разговора, так сказать, коллеги по общему бизнесу, и потом точно таким же макаром возвращаются обратно. Единственное, чего они не учитывают, что в ноутбуке работает веб-камера и все происходящее записывается в личный профайл их жертвы роликами по несколько минут каждый и хранится на удаленном китайском сервере. Чтобы получить доступ к роликам, нужен логин и пароль, и это самое простое, что только можно себе представить. Мы с Германом Викторовичем, к твоему сведению, короли Интернета...

– Это правда, – вновь поддакнул Гера, – можем все.

– В том числе подобрать пароль к профайлу на китайском сервере, – горделиво закончил Сеченов.

Хорошо, что я как следует вмазал. В этом великая миссия алкоголя – подавлять ненужные реакции. Иначе будь я трезвым, то, верно, спятил бы от нереальности происходящего. Я и представить себе не мог, что разговор за этим столом зайдет о делах, касавшихся, как я думал, лишь одного меня.

– А откуда вы, собственно... – начал я, но Сеченов не дал мне закончить, сделав жест, словно он закрывал водопроводный кран. Я, конечно, заткнулся.

– А ты считаешь, что все твои художества потенциально не могли никого заинтересовать? Ты с кем в Буэнос-Айресе общался? Ну-ка вспоминай!

Виктор Петрович – старый чекист! Ну конечно! Как же я раньше-то... Все же проще пареной репы:

– Виктор Петрович?

– Ну! Сам же все отлично понимаешь! – радостно воскликнул генерал Петя. – Вся твоя аргентинская одиссея легла на стол лично мне. – Сеченов сделал глоток виски и понюхал кожаный ремешок своих часов, – честно признаюсь, заслуживаешь уважения. Практически один, без специальной подготовки выполнил задание. Наследил, правда, но от этого и профессионал не застрахован. С тех самых пор, если честно, я за тобой наблюдаю.

Я икнул:

– Пристально?

– Вполглаза, – без улыбки ответил он.

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Живешь себе вроде спокойно и не знаешь, что за тобой наблюдает Большой Брат. Виктор Петрович оказался гнилым стукачом. Хотя что я напраслину на старика возвожу? Он тоже человек системы. У него руководство есть, которому он обязан докладывать. Вот он и доложил. Уж сколько времени прошло, а вот поди ж ты, когда и как

откликнулось. Позвольте-ка, так что же тогда получается?! Перед вылетом я звонил Виктору Петровичу, предупреждал его, тот обещал помочь и вот «помог». Сука-человек он все-таки.

– Петр, я ничем не отличаюсь от обычного мещанина. В сущности, я и есть мещанин, и, как всякий представитель этого сословия, я испытываю благоговейный ужас перед спецслужбами...

– Это правильно, – изрек генерал Петя, – органы, понимаешь, они все про всех знают. И от них «не скроешь ты в наш клуб второй билет», как Володя Высоцкий пел когда-то. Хороший был мужик. Помню, встретились мы с ним однажды в Париже, я как раз резидента замещал... Эх! Время-то какое было! Холодная война, духовность! Тогда Высоцкие-то и жили, а сейчас все больше Биланы. Тьфу ты, как вспомнишь...

– Дайте мне сказать, прошу вас! Так вот, я воспитан на лучшей шпионской литературе уровня не ниже Юлиана Семенова и охотно верю, что вашему брату все под силу. – Я помедлил, но все же решился и спросил: – Скажите, это вы устроили пробку на Третьем кольце? Пробку, из-за которой я не успел на самолет.

– Ну-у, – протянул генерал Петя, и сразу стало понятно, что автомобиль, из-за которого тысячи машин наглухо застряли, – это и впрямь его рук дело.

– Тогда второй вопрос. Насчет Брасье.

– Ерунду не неси, – генерал Петя среагировал мгновенно, – ты что, с ума сошел? Мы любим красивые комбинации, но особенно любим использовать в них вот такие вот совпадения, и не более того. Совсем охренел, что ли, нас с этим мешать?

– Это совпадение, Марк, – подтвердил Кленовский, – не случись всего этого, ты бы все равно никуда не улетел.

– Пришлось бы использовать грубые методы, – вздохнул генерал Петя, – вроде непрохождения пограничного контроля. Через судебных приставов организовали бы тебе штраф неоплаченный рублей в сто, – и все. Ты невыездной.

– Да зачем вам все это?! – изумился и возмутился я. – Бред какой-то. Я на территории России ничего противозаконного не совершал. Почему вы вторгаетесь в мою жизнь? Что за дерьмо?!

– Да будет тебе трепаться-то, – махнул рукой Сеченов, – тебе по старым делам твоим, там, где коммерческий подкуп и взятки, лет пять можно припаять сразу, а там еще и в довесок накинуть годика четыре. Вот ты говоришь, что на территории России ничего не совершал. А кто же тогда гражданина Вертько разнес к хуям «техасским фейерверком»? Скажешь, не ты? Отпираться станешь? Да ладно, не скромничай. Плюс к тому убийство россиянина Струкова и его охранника. Можно это все, конечно, и не ворошить, но при желании... Короче, не стоит тебе никуда ездить, почалься покамест здесь, в родных пенатах.

Мир враз поменял свою окраску с романтических бликов океанского рассвета на серость стылого тумана над зоной какого-нибудь Таштагола. Я точно не знаю, где это, но всегда, когда представляю себе тюрьму, то приходит на ум именно это географическое название. Ну, что там еще может быть, кроме лагерей, покинуть которые можно или «по колеровке» и «врачей путевке», или вообще вперед ногами. Я испугался. Так, как не пугался, наверное, никогда в жизни. Ведь действительно, по правде говоря, я никогда еще не имел дел с правоохранительными органами и саму мысль об этом не допускал. Видать, зря. Все это какая-то чудовищная подстава! Что этому Пете вообще от меня нужно?!

– Послушайте, Петр. Это все абсурдно выглядит. У вас что, есть доказательства? – Выбрал я неправильную тактику и тут же убедился в этом. – Генерал Петя, просяив, ответил, что у него «доказательств полный стол»:

– Дело может получиться, прямо хоть книжку пиши по его мотивам, – заявил он, – причем начать можно как раз с того места, когда ты еще в школьные драчительные годы в трудовом лагере дневального, который над тобой издевался, во время тихого часа подкараулил и с

обрыва столкнул. Ну как? Все еще будешь утверждать, что ты на территории России ничего противоправного не совершал? Ну, вот видишь?! Я ж говорю, органам все известно. А если они молчат до поры до времени, значит, им так нужно.

Гера отмалчивался и изо всех сил стремился казаться индифферентным. Видно было, что ему не по себе. Он извергал клубы табачного дыма, к разговору старался не прислушиваться, словно происходящее его совсем не заботило. Или наоборот? Ему все было известно заранее?

– Чего вам от меня нужно, товарищ генерал? – задал я, наверное, самый правильный за всю беседу вопрос.

– Хороший вопрос, – обрадовался Сеченов, – грамотный. Конечно, нужно, чего уж там лукавить. Я слишком занятой человек, чтобы по пустякам в кабаки отлучаться и с жульем вроде вас вискарь пить. Видишь ли, Марк, если я с тобой сейчас вот так вот мирно беседую, значит, это все не просто так. Значит, нужен ты мне. Хочу тебе, понимаешь, предложить искупить заслуги перед уголовным кодексом.

– Каким образом? – слегка воспрянул духом я.

– Ты для нас, – генерал Петя выразительно поглядел на Геру, и тот с пониманием кивнул в ответ. Значит, знал все заранее, скотина, – кое-что сделаешь, вернее даже, кое-кого, а потом можешь лететь в свою Аргентину, да хоть куда угодно. Я же тебе и помогу. Снабжу адресами нашей агентуры в Южной Америке, подскажу, куда стоит соваться, а куда нет. Словом, не на пустое место прилетишь. Более того, там ты будешь чувствовать, что у тебя за плечами Родина, а это здорово помогает, по себе знаю. Ты от нее, от Родины то есть, не торопись отказываться. Она тебе еще пригодится. Дай краба!

Я протянул ему руку, и вновь он сжал ее, словно тисками. Пьяное бахвальство силой встречается у многих мужиков, особенно у тех, которые считают себя Джонами Рембо и Бондами в одном гондоне.

– Чего надо делать-то? Можете конкретно обозначить?

– Могу, – тряхнул головой Сеченов, – я все могу, – произнес он чуть заплетающимся языком и обратился к Гере:

– Молодой, ну-ка покажь ему.

Гера послушно встал, и оказалось, что он сидит на каком-то журнале. Обложку я толком не рассмотрел. Через секунду этот журнал, раскрытый примерно посередине, лежал передо мной, и с его страницы на меня смотрело чье-то смутно знакомое фотографическое лицо.

– Это кто такой? – с любопытством разглядывая фотографию, спросил я. На вид за шестьдесят, массивный лысый череп, в плечах ширина неимоверная, пальцы толстые, точно колбасные батоны. Снят в своем кабинете, на стене портреты первых лиц, в углу знамя. Обстановка роскошная: мебель из ценных пород дерева, на столе малахитовые с позолотой письменные причиндалы.

– Это Масионжик Ефим Самойлович, – сообщил Гера, – член ОПГ «Мэрия», известный правозащитник и лидер движения в защиту прав нелегальных мигрантов. Это его официальная позиция.

– Таких же вот мигрантов, которые ночью угробили вашего приятеля вместе со всей семьей, – веско произнес генерал Петя, – а вот этот гнус их покрывает, защищает, у него серьезный бизнес. Он на этих мигрантах прилично наколбасил и останавливаться не собирается. Вот и надо бы его остановить раз и навсегда. А помимо всего прочего он, теперь уже тайно, финансирует движение так называемых русских националистов. Понимаешь, какова сволочь? Свой интерес имеет, – процедил генерал сквозь зубы, – Макиавелли, блядь, доморощенный. Хочет разделять и властвовать.

Над столом висел черный туман, в котором отдельно от тел плавали головы Сеченова и Кленовского. В моей голове прилив сменялся отливом. Я вдруг стал туговато соображать. В самом деле, при чем тут этот правозащитник со смешной фамилией и я?

– Вы хотите, чтобы я его убрал, что ли? – несмело предположил я. – А сами-то вы, товарищ генерал, чего же? Где вы и где я? Это же очевидно.

– Вот именно, что очевидно. Стоит заняться этим Масионжиком какой-то из спецслужб, и вони тогда не оберешься. К тому же сам понимаешь, если действовать через официальные каналы, то на это время нужно. Согласования, подписи, большой круг информированных лиц. Обязательно произойдет утечка информации. Ты удивишься, но для нас уровень этого Масионжика равен уровню олимпийского бога. Нам до него, в натуре, как пальцем до неба, – горестно подытожил генерал Петя, – надо, чтобы все было естественно. Чисто бытовое убийство. Никто ничего не найдет, сколько бы ни копал. Сделал дело и кати в свою Аргентину. Еще и денжат подкинем. Ну? По рукам, что ли?

– Нет, не по рукам. Я отказываюсь. Что за бред! Гера, ты сволочь! Оставьте меня в покое! – Я почти орал. Это была реакция кота, загнанного в угол. Тот шипит и скалится.

– Ну, на нет и суда нет, – развел руками генерал Петя, – тогда, как говорится, прости-прощай. Поклон там Воркуте от меня. Думаю, тебя как раз туда и этапируют, а там, бр-р-р, холодно, – Сеченов поежился.

Мне стало совсем худо. Я чувствовал себя униженным и оскорбленным. И главное, я понимал, что вот эти двое и есть подлинные хозяева жизни, а значит, хочу я того или нет, и мои хозяева. Такова логика вещей. И пусть очень хочется сейчас воткнуть вилку в глаз этому генералу Пете и с Герой поступить примерно так же (он всегда был дохляк, его об колено сломать можно, как сухую ветку), придется согласиться с этим предложением. Хотя бы для вида. Главное сейчас – это отделаться от их компании, а уж потом, на трезвую голову я соображу, как именно мне действовать дальше.

– Небось думаешь согласиться для виду, сынок? – по-отечески заботливо спросил генерал Петя. – Думаешь что-нибудь изобрести на трезвую голову?

Увидев в моих глазах положительный ответ, Сеченов захохотал сатанинским смехом. Его поддержал Гера, чье конское ржание вышло даже более гротескным.

– Ладно, черт с вами, – твердо произнес я, – я, на хрен, согласен. Только у меня условие есть. Можно?

– Смотря какое. – Генерал Петя мгновенно посерьезнел.

– Можно мне будет потом, после выполнения этой адской миссии, тоже получить какую-нибудь ксиву понадежней, иными словами, поступить на службу? – выпалил я и тут же пожалел о своих словах. Словно мысль, наконец озвученная, утратила свою ценность и обернулась жалкой и смешной.

Однако мои собеседники, похоже, такого не ожидали. Вид у них был растерянный. Наконец генерал ответил, что «все возможно» и он «подумает». Большого мне в тот вечер добиться не удалось.

4

– Этот Масионжик – человек очень серьезный. До него добраться все равно, что попробовать пройти сквозь минное поле. – Генерал Петя прямо на салфетке написал мне несколько адресов, по которым этого парня можно застать.

– Мне много чего понадобится, – я начал перечислять, – машина, оружие, связь, да и деньги, в конце концов. Я свои, что ли, должен тратить?

– Ну, с машиной-то проблем никаких. А насчет всего остального... Знаешь, если бы так все было просто, как ты говоришь, то ты бы не понадобился. Чего проще – найти профессионала, скажем, какого-нибудь офицера ГРУ в отставке, снабдить его всем на свете, вплоть до того, что оборудовать ему снайперскую позицию на крыше, пусть только на спусковой крючок нажмет. Нет, брат. Придется тебе все сделать самому. Считай, что нас ты не знаешь, а уж коли ты эвона куда метишь, то ты деньги-то не жалеи. Получается, что ты вроде как в себя их инвестируешь, в свое светлое будущее. Знаешь, чтобы в наш круг войти, надо принести в жертву многое, чтобы потом всю оставшуюся жизнь вольготно себя чувствовать. Гера, дай ему ключи и доверенность на машину напиши.

– Какие ключи? – озабоченно спросил Гера. – Какую еще доверенность?

– Ладно, не гоношись. Пусть твой друг на твоём «Ауди» покатается. Ты себе еще выпишешь. За государственный счет.

– Да? Ну ладно, – подозрительно быстро согласился Кленовский и, как мне показалось, притворно вздохнул: – Повезло тебе, Марик.

– Ага, – не вытерпел я, – счастья полные штаны. Хочешь, с тобой поделюсь?

...Обсудили еще кое-какие детали. «Самое главное, – сказал Сеченов, – чтобы его прикончили те, о ком он так радуется. А уж если получится убрать его руками тех чертей, которые убили семейство Брасье... Это в идеале, конечно. Но у следствия никаких сомнений насчет личности убийцы быть не должно».

– Ну и задачка, – вырвалось у меня.

– А ты как думал? – Сеченов ободряюще похлопал меня по плечу. – Связь будешь держать через Кленовского. Не кисни, и удачи тебе в этом большом городе.

– Марк, старичок, не взыщи, – Герман было тоже хотел похлопать меня по плечу, но, увидев на моем лице непередаваемое выражение, отвел руку и почесал затылок: – Ты это... Машину побереги. Ладно?

И они ушли, а я остался. Передо мной стоял графин с виски, лишь наполовину пустой. Идти мне было некуда, да и не к кому. Ночевать негде. Ну не в отель же в самом деле вписываться? Московские отели существуют для людей, страстно удовлетворяющих свое либидо и при этом не состоящих друг с другом в законном браке. И я там был, и удовлетворял, и ни черта не состоял. Ах, какое было время: чулки на тонком пояске, «милый», широкие подоконники, виды ночной Москвы в коктейле с оральным сексом и пьянящим сумасшествием... Виски я допил.

Выйдя на улицу, я, уже очень пьяным, сел в автомобиль. Проехал два квартала и понял, что дальше дороги нет, так как и разметка и светофоры двоились в глазах. Тогда я свернул в какой-то двор, как следует закрылся изнутри, снял ботинки, перебрался на заднее сиденье и уснул. Утро вечера мудреней.

5

Пробуждение если и напоминало кошмар, то лишь отдаленно. Самочувствие вполне сносное, а вот на душе словно лежит толстый слой грязи. Так бывает всегда, когда мы даем себе обеты, долгое время придерживаемся их, но в конце концов все же нарушаем. Сколько я не пил? Больше четырех лет? И при этом чувствовал себя превосходно. А теперь я словно опять попал в страшный мир похмельной депрессии, где лишь пустота и сумасшествие, расплата за недавнее веселье, угрызения совести и провалы в памяти. Алкоголь сближает. Алкоголь разрушает. Алкоголь может согреть и спасти, а может и остудить навеки. Он как палка, которая всегда о двух концах. Выпить чуть-чуть – не имеет смысла, выпить много – наутро хочется «не быть». Я завис где-то посередине между этими крайностями. В машине было холодно, в горле першило, руки и ноги заоченели. Гребанный миллионер очнулся в чужой машине, в чужом дворе, с чужим приказом в голове, который хочешь – не хочешь, а нужно было исполнять. Меня никто не ждет, никто не будет искать. Моя семья думает, что я улетел утолить блажь, засевшую в голове, я один в этом городе, который вроде и мой родной, но в то же время с сегодняшнего дня он стал мне чужим. Мне не к кому поехать, не у кого переночевать, так как я никогда не ценил дружбу и не искал ее. Нет у меня «особенных» людей, которые были бы рады сказать: «Живи, дорогой, сколько влезет». Раз нет друзей, значит, я урод. Гм... Или не так. Урод ли я, если у меня нет друзей? Ответ отрицательный. Их нет потому, что я не ищу ничьей дружбы и чересчур дорожу собственным «я», чтобы размыывать его в дружеских отношениях. Да и времени на дружбу надо тратить много. Это называется «умением дружить», то есть жить во имя дружбы, ради кого-то, не догадываясь, что тот, кто называет себя твоим другом и требует к себе постоянного внимания, на самом деле обыкновенный энергетический вампир. Дружбы в большом городе нет, есть только совместные попойки и сплетничанье. Все остальное, если иметь в виду мужскую дружбу, – это чистой воды латентный гомосексуализм. Дружба с женщиной вообще невозможна потому, что все очень быстро заканчивается сексом, ЗАГСом и совместно нажитым имуществом, которое порой приходится делить через суд...

Вариант с отелем по-любому не подходит: слишком пафосно и заметно и не с кем «тюрить букаке» (это мой копирайт), сиречь любиться до изжоги (а вот это уже Сорокин). Остается наемная квартира.

Я москвич, я никогда не снимал жилья, не жил, окруженный чужими стенами. Я не знаю, что значит «снимать хату». Я даже не знаю, с чего этот процесс начинается. Никакого особенного плана у меня не было, поэтому после того, как я позавтракал парой хот-догов и бутылкой мерзкого напитка под названием «холодный чай», то поехал по адресам, написанным на салфетке. Первым в этом списке значился дом на Остоженке, где, если верить сведениям, полученным от генерала Пети, господин Масионжик квартировал. Туда я и решил отправиться в первую очередь.

Здесь, в тихом дворике так называемой «Золотой мили», был выстроен семиэтажный дом, с высоты птичьего полета формой своей напоминавший крест. Почти в самой середине этого креста, на седьмом этаже находилась интересная мне квартира. Попасть во двор этого дома не то что на машине, а даже и пешком нечего было думать. Все было обнесено высокой кованой изгородью, щедро увешанной камерами, а на входах дежурили мордовороты в черной форме и высоких ботинках с дебильным названием «берцы». Сделать попытку поговорить с кем-либо из них означало по-тупому засветиться раз и навсегда, а с тем и похерить все дело в зародыше. Я остановился на противоположной въезду во двор стороне улицы и принялся наблюдать. До будки охраны и полосатого шлагбаума было метров пятьдесят, и я натер глаза, всматриваясь в эту полоску, укрепленную на оранжевом столбике. Мимо меня почти бесшумно проскользнул черный «БМВ» с номерной серией «а...мр»: не иначе шишку какого-

нибудь возит эта «пятерка». Не люблю я «БМВ», уж больно застряла в памяти репутация этой фирмы, а вернее, тех brutальных гоблинов, в среде которых баварская продукция стала столь популярной в начале девяностых годов двадцатого века. Я много рассказывал о своих непростых отношениях с бандитской средой, так что ни к чему сейчас повторяться. Скажу лишь, что не считаю эту среду родной, хотя и не скрою, что некоторое мое к ней отношение наложило, так сказать, отпечаток на всю мою сложную и дурацкую в общем-то жизнь. Раньше братва рассекала на «БМВ», а позже, когда все то, с чего раньше братва кормилась, перешло под ментов, то вместе с «крышами» к последним перешли и привычки братвы, и ее предпочтения. Вот хотя бы и в автомобилях.

«Пятерка» вопреки моим предположениям застряла у поста охраны. Я-то думал, что она без помех пролетит дальше, а поди ж ты. Значит, какой-то нездешний визитер там, внутри. Тем временем сцена у шлагбаума получалась весьма зрелищной. Сперва к машине подошел один из охранников, склонился над водительской дверцей, что-то коротко ответил, выпрямился, покачал головой и развел руками. По всей видимости, такой расклад никак не удовлетворил тех, кто находился в машине, поскольку оттуда, опять же со стороны водителя, высунулась рука и принялась в поддержку неслышимых мною слов энергично лоббировать своего незримого покамест седока-хозяина жестами пальцев. В ответ на эту распальцовку охранник вызвал подкрепление в виде напарника, и тот принялся было в чем-то убеждать строптивую руку. По всей видимости, для пассажира «БМВ» появление второго охранника явилось тем рубежом, за которым его терпение лопнуло, и он выскочил из автомобиля точно черт из дымохода. Я сразу узнал его. Это был Коваленко. Даже с расстояния в пятьдесят метров было отлично видно, как еще сильнее побагровело его апоплексичное лицо. Он размахивал перед охранниками чем-то, по всей видимости, своим удостоверением, но те стояли насмерть и шлагбаума не поднимали. Коваленко продолжал яриться, а потом внезапно успокоился, махнул рукой и стал куда-то звонить. Дозвонившись, он протянул трубку охраннику, тот коротко выслушал, кивнул и поднял шлагбаум. Коваленко с опущенным видом сел в машину, и «БМВ», наконец, въехал на территорию.

Из того, что случилось на моих глазах, я сделал два важных вывода: во-первых, охрана здесь и впрямь очень серьезная. Простые «чоповцы» никогда бы не стали так вести себя с милицейским генералом. Значит, это ФСО. А раз так, то этим ребятам лучше вообще на глаза не попадаться, мигом возьмут на карандаш. Во-вторых, Коваленко приехал без предварительного согласования, номера его машины на посту охраны не было, и его долго не пропускали. Значит, он здесь впервые. К кому это он примчался с утра пораньше? Уж не к моему ли клиенту?

Чувство неожиданной удачи ворвалось мне в мозг свежим апрельским ветром. Одно из тех неизъяснимых предчувствий, которые живут во мне, начиная с сознательного возраста, подсказывало, что этот визит имеет к моему делу самое прямое отношение. Но как это проверить? Я задергался, занервничал, но выхода не было. Не таранить же, в самом деле, тех ребят из ФСО? Я слышал, что они вооружены до зубов и моментально превратят мою машину в дырявый тазик, а заодно напшигуют пулями и меня, любимого. Да, занятные, должно быть, люди живут в этом доме-кресте, раз их задницы бережет Федеральная служба охраны. Депутаты? Жириновский, например? Или Зюганов? Таким и впрямь положено от народа предохраняться. Народ-то, он разный бывает. Есть овцы послушные, каких большинство, а есть и такие, кому терять особенно нечего. Вернее, вообще нечего. Какой-нибудь пенсионер может запросто клюкой в глаз народному избраннику ткнуть, мол, «спасибо за счастливую старость». Однажды мне приснился сон, в котором голый и, разумеется, пьяный Ельцин Борис Николаевич упал в зеленое море душ, по его вине загубленных. Настоящее море: несть тем душам числа. Разорвали они голого Ельцина в клочья, и сдается мне, что сон мой вещий, мне другие не снятся. Что ж, по заслугам и награда. Я давно придумал для Ельцина прозвище – «царь

воров». Думаю, когда-нибудь, когда история вновь ненадолго вырвется из-под цензуры, это прозвище закрепится за ним совершенно официально.

Коротая время в ожидании, я принялся составлять список необходимых мне вещей: спец-одежда, включая милицескую форму, оптика, оружие... Список получился немаленький, и пункт «оружие» я дважды подчеркнул. Если все остальное, включая милицескую форму, достать несложно, то где взять оружие, я как-то не представлял. Ясно, что для подобного рода операции понадобится не только надежный многозарядный пистолет с глушителем, но также и бесшумная снайперская винтовка, и, возможно, гранаты, и еще черт знает сколько всего, ведь я пока даже не представляю себе истинного масштаба дела, на которое меня обрекли Кленовский и его престарелый бравый компаньон. Перво-наперво нужно было стать каким-то официальным лицом, приобрести левые, но надежные документы, снять со счета достаточное количество наличных и добыть, наконец, берлогу для постоя.

От организационных мыслей меня отвлекло появление «БМВ» и еще одного автомобиля: тяжелого немецкого внедорожника «Мерседес» серии «GL», так называемого «нового Гелендвагена». Прекрасная машина, вне всяких сомнений, и самая дорогая в своем классе. Мимо меня проплыло напряженное лицо Коваленко, предпочитающего ездить на переднем сиденье, а вот пассажир «Мерседеса» был укрыт внушительными торсами водителя и охранника: двух откормленных бульдогов в галстуках. Я вырулил и поехал следом за ними, стараясь не приближаться больше чем на два-три корпуса, пропустив вперед «девятку» и еще два каких-то автомобиля. Мы пересекли Остоженку, развернулись на Соймоновском у храма, довольно резво прокатились по Никитскому, отвернули на Тверской бульвар и почти не задержались на перекрестке с Тверской. На том самом перекрестке, где снуют личности, барыжащие всяким фуфлом: флагами и «Ролексами» по семьдесят два доллара за килограмм. После Тверского чуть застряли на Страстном и, наконец, ушли направо, на Петровку.

Здесь, у дома с колоннами, у дома со знаменитым адресом «Петровка, 38», маленький кортеж остановился, и я, загодя предусмотрительно прижавшийся к обочине, увидел, как из внедорожника вышел человек, чье лицо было мне знакомо по фотографии. Это был Масионжик. Со своей позиции я видел, как он уверен в себе, как спокоен, как горделиво он вскинул голову и расправил плечи. Бульдог-телохранитель шел за ним по пятам. Масионжик сел в генеральский «БМВ», и автомобиль въехал на территорию ГУВД, а бульдог вернулся и занял свое место в «Мерседесе».

Вот оно – идеальное попадание в «десятку». Коваленко заодно с этим типом. Наверняка он привез его сюда с целью как можно подробнее посвятить в детали происшедшего, ведь нельзя же в самом деле предположить, что Масионжик арестован. Таких не арестовывают – они неприкасаемы, и закон для них ничто. Однажды, когда мы обедали с Shakespeare, ему вновь принесли свидетельство об очередной проигранной им тяжбе, и тогда гений в сердцах воскликнул: «Оденьте преступление в золото – и крепкое копье правосудия переломится, не поранив; оденьте в рубище – его пронзит и соломинка пигмея». Он именно что имел в виду такого, как Масионжик.

Да, впрочем, и для меня закон не писан, ибо я не баран, умеющий только жалобно блеять на тему: «Да что я могу-у-у». Не таким я родился, чтобы соблюдать законы, написанные для баранов и овец матерыми волками вроде этого Масионжика. Я уже ненавидел его за эту горделиво посаженную голову, за панибратство с генералами-ментами, за ФСО на въезде, за то, что благодаря ему смешной и добрый Брасье погиб от руки каких-то узколобых чертей, безжалостных мерзавцев, чью тупую ярость не остановил даже маленький ребенок. С одной стороны, дочка Брасье, с другой – дочка того питерского таджика, которую убили бритоголовые. Я и с ними разберусь, даст бог. Я вообще намерен много с кем разобраться потому, что меня тошнит от ненависти. Я, оказывается, после случая с Брасье враз перестал быть интернационалистом, несмотря на то что всегда считал себя таковым. Оказывается, национализм – это естественное

человеческое состояние, и не сорваться в него – дело нелегкое. Дашь себе поблажку, и выходит, прав был старик Мюллер, говоря, что «нет в мире иного пути, кроме национал-социализма».

«Стой, мудила! Ну что ты такое несешь! Какой Мюллер, какой национал-социализм?!» Я ударил сам себя кулаком в скулу. Сильно ударил. В глазах потемнело, и на скуле набух желвак. Поделом... В каждой нации есть выродки, и, наверное, их процент примерно одинаков у представителей каждого народа. Не знаю... Национальный вопрос – самый сложный вопрос на свете. Этот вопрос будоражит меня, он распирает меня изнутри своей нарастающей, как снежный ком, величиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.